

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Травин

У истоков модернизации:
Россия на европейском фоне
(доклад четвертый)

Препринт М-45/15

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2015

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос)
Т 65

Травин Д.Я.

Т 65 У истоков модернизации: Россия на европейском фоне (доклад четвертый) / Дмитрий Травин: Препринт М-45/15 — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — 70 с. — (Серия препринтов; М-45/15; Центр исследований модернизации).

В докладе анализируется вопрос о том, почему в России модернизация приняла столь специфичные формы, что ее часто считают неевропейской страной, двигающейся по особому пути. Автор исследует зависимость специфики развития от истории страны и тех объективно стоявших перед государством задач, которые приходилось решать в XV–XVII столетиях.

Информация об авторе: Травин Дмитрий Яковлевич — кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации (ЕУСПб); dtravin61@mail.ru.

В трех предыдущих докладах мы проанализировали вопросы о том, каким образом на истоки процесса модернизации влияли набеги, беспокоившие в Средние века Европу в целом и Россию в частности [Травин (2010)], как способствовал модернизации рост городов, начавшийся после прекращения набегов [Травин (2013а)], а также в какой мере модернизации препятствовала власть государей, традиционно считающаяся в нашей стране безграничной [Травин (2014)].

По результатам исследования мы пришли к следующим выводам. Во-первых, до прекращения набегов нормальное развитие было невозможно ни на Западе, ни на Востоке Европы. Во-вторых, в мирных условиях некоторые (но отнюдь не все) регионы Запада стали быстро уходить «в отрыв» благодаря совокупности ряда способствующих развитию факторов. В-третьих, успехи товарно-денежных отношений как на Западе, так и на Востоке Европы отнюдь не гарантировали защищенности собственности в том числе потому, что государи повсюду стремились выйти за рамки ограничений, устанавливаемых законом, вторгаясь в экономику и перераспределяя ресурсы в свою пользу.

Теперь на базе собранного ранее материала мы вплотную подходим к вопросу о том, почему же модернизация России приняла столь специфичные формы, что ее часто считают неевропейской страной, двигающейся по особому пути [Травин (2015)]. Ответу на поставленный вопрос посвящен данный доклад. В нем мы рассмотрим влияние хозяйственного развития на военный потенциал различных стран Европы и на подходы государей к формированию армии, а также то, как милитаризация жизни, в свою очередь, оказывала в Московском государстве воздействие на социально-экономические процессы. Поскольку в эпоху позднего Средневековья и в начале Нового времени война была важнейшим делом для каждого государства, формирование армии представляло собой не маргинальную сфе-

ру (как можно подумать, глядя в прошлое из XXI века), а суть всей жизни страны. Специфика формирования московского войска во многом определила исторический путь России, и дальнейший ход модернизации в нашей стране обуславливался именно этим историческим путем.

Трансформация войны

В Европе Средних веков возможности ведения войн ограничивались отсутствием у государей масштабных финансовых ресурсов. В той мере, в какой они имелись, можно было собрать собственные отряды воинов (дружины) или воспользоваться услугами наемников, купленных на некоторое время. Однако для осуществления ширококомасштабных боевых действий этого было мало. Не удавалось королям в полной мере опереться и на народные (городские) ополчения. Качественное вооружение и конь стоили больших денег, а потому призыв бедноты мог лишь дополнить армию, но не сформировать ее основу [Контамин (2001), с. 42, 70].

Значительно большую роль, чем наемничество и народное ополчение, играла при формировании армии феодальная организация общества. Как отмечал русский историк Николай Кареев, «вассал обязан был являться по зову своего сеньора на коне и тяжело или легко вооруженным, иногда один, иногда со своими людьми, и принимать участие в объявленном сеньором походе» [Кареев (2015), с. 123].

Король для ведения войн созывал своих вассалов, и они приходили к нему не потому, что сюзерен платил им за это деньги (хотя и такое в определенных случаях предполагалось), а потому, что подобная поддержка монарха оказывалась необходимой основой для существования всего общества. Никто не способен был выпасть из системы феодальных иерархических связей даже при очень большом желании. Если вассал не поддерживал сеньора, то и сам, в свою очередь, не получал от него помощи при угрозе, которая могла возникнуть для его владений. В эпоху нашествий, которым Европа подвергалась со стороны норманнов, сарацин и мадьяр, подобный механизм иерархической взаимопомощи был единственным реальным способом защиты [Ле Гофф (1992), с. 52].

Тем не менее в системе феодальной иерархии имелись слабые места.

Во-первых, средневековые армии не могли воевать подолгу, поскольку вассалы обязаны были находиться на службе лишь 40 или 60 дней в году. Когда срок службы истекал, рыцари расходились по домам [Виолле-ле-Дюк (2007), с. 79; Гутнова (1960), с. 60–61]. Война заканчивалась в лучшем случае безрезультатно для монарха, а в худшем — он сталкивался с превосходящими силами противника.

Во-вторых, бывали случаи, когда вассал сам являлся монархом и имел военные планы, несовместимые с планами сеньора. Например, по Парижскому договору 1259 г. король Англии являлся вассалом короля Франции и приносил ему оммаж, поскольку в качестве герцога Аквитанского владел землями на континенте [Басовская (2003), с. 108–113]. Понятно, что «мобилизовать» такого вассала на войну по стандартной процедуре было весьма затруднительно.

В-третьих, даже если обычный вассал по какой-то причине хотел уклониться от выполнения своих обязанностей либо предпочитал вдруг сделать ставку на иного сеньора (более эффективного или более легитимного с его точки зрения), то королю могло просто не хватить сил для наведения порядка в собственном «доме» [Контамин (2001), с. 47; Тилли (2009), с. 93; Гутнова (1960), с. 61, 92].

Характерный пример — конфликт императора Генриха IV с папой Григорием VII. В 1076 г. понтифик отлучил своего врага от церкви, воспретив ему править Германией и Италией, а также освободив подданных монарха от клятвы верности. Генрих попытался в свою очередь провозгласить анафему папе, но в собор, где происходило действие, и в резиденцию государя ударила молния, оставив от них лишь пепелище. Это было воспринято, как знак свыше, и тут же образовалась княжеская оппозиция Генриху, поскольку он был теперь для своих вассалов нелегитимен. Немецкие князья заявили, что не признают его сеньором до тех пор, пока он не снимает с себя папскую опалу. На сторону понтифика перешли даже принцы Конрад и Генрих. В итоге Генриху IV пришлось воевать против своих же собственных вассалов и детей, причем он несколько раз терпел поражение от них, перенес плен и скончался, лишенный монаршего престола [Флекенштейн, Бульст-Тиле, Йордан (2008), с. 257–279; Рапп (2009), с. 155–160].

У Генриха V была иная проблема — злоупотребление властью. Он попытался слишком активно вмешиваться в дела своих вассалов и даже арестовал графа Тюрингии, что привело к сопротивлению. В 1115 г. император проиграл битву князьям, которые имели войско, превосходящее армию монарха по численности [Флекенштейн, Бульст-Тиле, Йордан (2008), с. 301; Рапп (2009), с. 166].

Понятно, не всегда вассалы сражались против императора, но зато при любом ослаблении центральной власти они стремились ограничить выполнение своих обязанностей. Так, например, вели себя короли Чехии, герцоги Австрии и маркграфы Бранденбурга. Император в XII–XIII вв. мог мобилизовать их лишь для боевых действий в пределах империи или даже отдельных ее частей, но не для зарубежных походов [Контамин (2001), с. 92].

Проблемы имелись не только в Германии. Вот история, произошедшая в Италии. В 1127 г. скончался герцог Апулии Вильгельм, провозгласив наследником своего кузена Рожера Сицилийского. Но граф Сицилии был вассалом римского папы, и тот не утвердил его как нового герцога. Тем не менее Рожер решил вступить в права. При этом бароны южной Италии поддержали папу Гонория. В итоге Рожер сошелся на поле брани со своим сеньором (папой) и своими потенциальными вассалами (баронами). Правда, битвы так и не произошло. Больше месяца две армии стояли друг против друга, пока, наконец, воины Гонория (призванные лишь на определенный срок) не начали терять терпение. И тогда папа вынужден был пойти на уступки, признав права графа на герцогство. А вскоре набравший силу Рожер стал королем Сицилии, Калабрии и Апулии [Норвич (2005), с. 326–357].

Перенесемся во Францию. Там в 1272 г. Филипп III собрался в поход на мятежного вассала. Но другие вассалы не слишком стремились прибыть на службу. Король пытался их штрафовать, однако это не слишком помогало [Контамин (2001), с. 95].

Впрочем, главной историей, связанной с неопределенностью вассальных обязательств, оказалась для Франции Столетняя война. После пресечения династии Капетингов английский король Эдуард III претендовал на французский трон как сын дочери Филиппа Красивого, наряду с Филиппом Валуа — наследником по мужской (но боковой) линии. Историк Барбара Такман четко сформулировала суть проблемы: «Эдуард III рассчитывал привлечь на свою сторону французских сеньоров, находившихся в вассальной зависимости от французского короля. Если он, а отнюдь не Филипп VI был законным королем Франции, сеньоры могли нарушить присягу, данную французскому королю, и перейти на сторону Эдуарда. В XIV в. вассальные отношения складывались между людьми, а не между человеком и государством, и владелец герцогства или графства обладал почти автономной властью, что позволяло, скажем, проанглийски настроенным властителям Нормандии или Бретани поддерживать притязания Эдуарда на французский престол» [Такман (2013), с. 95]. И впрямь лояльность феодалов династии Валуа на протяжении всей войны оставалась проблематичной!

В общем, феодальная система была не слишком удобна для правителей. Вассал мог уклоняться от службы, мог предавать своего сеньора, мог сделать ставку на другого сюзерена. «Условия децентрализованной феодальной системы позволяли создать лишь слабо дисциплинированную и временную армию, — отмечает израильский военный теоретик Мартин ван Кревельд. — Кроме того, такая армия была немногочисленной: самая

большая из них могла насчитывать от силы 20 тысяч человек, большинство из которых составляли не рыцари, а разношерстая толпа оруженосцев и слуг» [Кревельд (2008), с. 156].

Чтобы исправить ситуацию, доброжелатели давали советы Генриху IV и Генриху V заменить феодальную службу налогом, который позволял бы покупать наемников, но в Германии реализовать эти рекомендации на практике было трудно [Контамин (2001), с. 50]. Ситуация стала качественно меняться лишь на исходе Средних веков, причем происходило это в связи с развитием экономики.

В первой половине XIV в. появился скандальный для своего времени стишок. Или точнее — ода. Ода деньгам: «Деньги делают человека видным. Деньги делают его значимым. Деньги сокроют любой его грех. На деньги он все сможет купить. Деньги дадут ему женщин для наслаждений. Деньги отправят его душу на небеса. Деньги повергнут его врагов на земле. Без денег человек как прикованный. Лишь они меняют мир и крутят колесо фортуны. И если ты хочешь, они отправят тебя в рай. Мудр тот, кто способен их накопить, поскольку лишь деньги избавят вас от меланхолии» [Parks (2006), p. 17–18]. Возможно, реальная роль денег здесь несколько преувеличена, но той сферой, в которой они действительно произвели радикальный переворот, являлась организация армии.

По мере того, как образуются крупные финансовые ресурсы, которые можно аккумулировать для ведения войн, феодальная система начинает разваливаться. Во-первых, технический прогресс делает армию все более сложной и дорогой, вынуждая королей прибегать к налогам и займам для мобилизации средств, находящихся в распоряжении общества. Во-вторых, монархи, ощутившие вкус денег, постепенно ощущают заинтересованность в привлечении все большего их количества для того, чтобы уменьшать политическую зависимость от своих вассалов. В-третьих, выясняется, что система формирования наемных отрядов, создаваемых с помощью налогов и займов, оказывается в плане ведения боевых действий эффективнее феодальной системы.

Начнем с технического прогресса. Появление пороха определило объективную возможность для создания таких видов вооружения, которые требуют больших финансовых затрат и практически уже несовместимы с традиционным феодальным войском. Система вассалитета более-менее эффективно способна была поставлять бойцов для королевских армий, но в ситуации, когда человеческий ресурс теряет свою относительную ценность в сравнении с огнестрельным оружием, требуются иные способы формирования вооруженных сил. На первый план выходят деньги, с помощью которых можно приобретать пушки и аркебузы, а также строить

более мощные, чем раньше, оборонительные сооружения, способные выдерживать артиллерийский обстрел.

Какое-то время средневековый рыцарь мог худо-бедно сосуществовать со всеми этими новшествами, но в долгосрочном плане он не вписывался в систему, предполагающую умение обращаться с техникой. Наемные солдаты, обученные использовать огнестрельное оружие, стали сменять рыцарей-феодалов, которым слишком трудно было отказаться от меча, пединка и ближнего боя. Значение бойца стало определяться его профессионализмом, а не происхождением.

Кроме того, рыцарям трудно было сменить те этические принципы, на которых они воспитывались. Какое-то время благородные господа отказывались применять новейшие средства вооружения и даже казнили пленных аркебузирова (или отрубали им руки, выкалывали глаза) за их «неблагородные» умения [Кревельд (2008), с. 132]. Но тем не менее жизнь постепенно брала свое.

«Самое раннее упоминание о порохе в Европе относится к 1267 г.», — отмечает исследователь данного вопроса Джек Келли [Келли (2005), с. 38]. Однако развитие артиллерии происходило чрезвычайно медленно, поскольку без значительных финансовых ресурсов подобный род войск не создашь, а большая часть Европы конца XIII — начала XIV в. таких ресурсов еще не имела.

Первыми, естественно, осуществили прорыв итальянцы, которые, с одной стороны, являлись людьми, наиболее информированными о всяческих новинках благодаря своим широким торговым контактам, а с другой — наиболее богатыми по причине развития бизнеса [Травин (2013а), с. 6–15]. На Апеннинах освоили порох вскоре после 1300 г., а «в феврале 1326-го флорентийская сеньория поручила городским чиновникам для обороны города обзавестись *canones de metallo* и боеприпасами. <...> В 30-е гг. XIV столетия новое оружие стало быстро распространяться по Европе. <...> Слабое развитие металлургии и недостаток пороха позволяли изготавливать только маленькие орудия. Они использовались главным образом для обороны городских стен, хотя под 1331 г. мы находим упоминание о том, что при штурме города Чивидале на холмах Фриули к северу от Триеста, предпринятом двумя германскими рыцарями, была задействована какая-то разновидность пороховых пушек. У французского десанта, который в 1338 г. взял штурмом и сжег город Саутгемптон на английском побережье, было некое пороховое орудие и сорок восемь болтов к нему» [Келли (2005), с. 49–50].

Для существенного развития артиллерии должна была начаться настоящему крупная война, которую ведут уже не пара рыцарей или де-

сант, но монархи, способные мобилизовать большие финансовые ресурсы. И такие монархи нашлись. Роль катализатора в деле распространения огнестрельного оружия выполнила Столетняя война. Эдуард III Английский выписал из Нидерландов мастера, разбиравшегося в артиллерии, и применил пушки уже в 1327 г. [Кнох, Муггау (2001), р. 20]. В 1346 г. в битве при Креси артиллерия уже весьма впечатляла. Разрушительная сила английских орудий была тогда еще невелика (лучники нанесли врагу больший урон), но зато психологическое воздействие на противника — поистине огромно [Келли (2005), с. 53, 60].

Чуть позже огнестрельные орудия стали появляться на судах у генуэзцев, венецианцев и каталонцев. Тем не менее в XIV в. артиллерия еще не стала «богом войны». Она ничего не решала принципиально. В 1385 г. кастильцы имели 16 больших бомбард, стрелявших каменными ядрами, но проиграли сражение португальцам, артиллерии вообще не имевшим [Cipolla (1965), р. 27, 75–76].

Лишь к началу XV в. артиллерия стала использоваться практически повсеместно. Ни один серьезный полководец не мог позволить себе обойтись без нее. И сей факт существенно повысил стоимость ведения войны. Лидерство же в развитии артиллерийского дела постепенно захватила Бургундия. Келли отмечает, что это было связано с существованием в Бургундии системы рек и каналов, облегчавших перевозку орудия [Келли (2005), с. 65], но можно, наверное, добавить и еще две важные причины. Бургундский герцог в то время контролировал Нидерланды — второй по богатству регион Европы после Северной Италии, причем именно проживавшие там фламандцы и брабантцы оказались особенно искусны в производстве пушек [Cipolla (1965), р. 30]. А кроме того, Бургундия была самым непосредственным образом вовлечена в боевые действия Столетней войны, что требовало серьезного укрепления боеспособности. Иначе говоря, к середине XV в. потребности и возможности для развития артиллерии сошлись именно в этом регионе Европы.

Бургундцы передали «эстафету» французам. Король Карл VII создал первую в мире целостную артиллерийскую организацию. Французские оружейники, которые раньше были независимыми подрядчиками, теперь оказались сгруппированы в структурные подразделения, отличавшиеся друг от друга даже своей парадной униформой. Артиллерия стала обязательным атрибутом войны, и это доказал в 1449 г. штурм Руана. Французские пушки открыли огонь, и город вынужден был сдаться всего лишь через три дня бомбардировки, что по тем временам было очень малым сроком для осады. Затем история Руана повторилась при штурме других городов [Келли (2005), с. 72], причем любопытно, что аналогичная успеш-

ная артиллерийская операция была проведена и на другом конце Европы — турками при взятии ослабевшего Константинополя в 1453 г. [Фуллер (2012), с. 117].

По оценке французского архитектора и историка Эжена Виолле-ле-Дюка, Карл VII, который раньше, собираясь начать какую-нибудь осаду, брал у городов взаймы артиллерию, теперь имел столько пушек, что мог даже штурмовать несколько крепостей одновременно. Это ознаменовало начало новой эры в развитии вооружений [Виолле-ле-Дюк (2007), с. 165]. Сын Карла Людовик XI подкрепил организационную перестройку армии финансами, увеличив бюджет артиллерии едва ли не впятеро [Контамин (2001), с. 166].

Следующая крупная череда боевых действий, каковой стали итальянские войны конца XV — первой половины XVI в., была уже невозможна без планомерного и целенаправленного использования пушек. Макиавелли, Гвиччардини и почти все, кто писал в Италии о военном деле эпохи Ренессанса, подчеркивали поистине революционное воздействие новой французской артиллерии [Duffy (1979), p. 11].

История конца Столетней войны повторилась вновь. Итальянские города сдавались французам один за другим во многом по причине активного применения теми артиллерии. Как отмечал флорентийский свидетель этих событий, французы «по стене бьют из тридцати или сорока орудий, быстро превращая их в пыль» [Контамин (2001), с. 219].

Не меньшее значение пушки имели и на поле боя. Историки отмечают, что битвы при Равенне в 1512 г. и при Мариньяно в 1515 г. были выиграны французами именно благодаря блестящей артиллерии [Cipolla (1965), p. 28]. Французская стратегия, которую позднее переняли испанцы и немцы, состояла в том, чтобы артиллерийским ударом внести смятение в ряды противника, а затем довершить его сокрушение конницей [Пенской (2010), с. 57–58]. Выдающиеся итальянские военачальники Джан Паоло Вителли и Просперо Колонна с грустью отмечали, видя все это, что войны теперь выигрываются больше индустрией и хитростью, чем действительной схваткой армий [Фуллер (2012), с. 110].

Стало ясно, что с данного момента расходы на огнестрельное оружие необходимо в обязательном порядке включать в военный бюджет каждому, кто намеревается победить противника. А расходы эти, естественно, все возрастали. Согласно некоторым расчетам, один пушечный выстрел в XVI в. обходился в пять талеров — сумму, равную месячному жалованию пехотинца [Келли (2005), с. 110].

К тому времени артиллерия достигла такого качественного уровня, на котором ей впоследствии предстояло пробыть примерно триста лет. Три

важнейших новшества обусловили радикальный перелом в военном деле. Во-первых, изобретение зернового пороха, обладающего большей взрывной силой, чем порошкообразный. Во-вторых, изготовление литой пушки сравнительно меньшего, чем раньше, размера. В-третьих, появление компактного чугунного ядра вместо старого каменного. Кроме того, изобретение зернового пороха дало к концу XV в. толчок развитию стрелкового оружия.

Первые «ручницы» появились в Италии и южной Германии во второй половине XIV в., однако тогда процесс заряжания «ружья» был еще столь долог, что его практически не удавалось использовать в бою. Процесс перевооружения тем не менее развивался. Решение о переводе стрелков с арбалетов на огнестрельное оружие впервые было принято в Венеции в 1490-х гг. Вскоре за венецианцами последовали другие итальянские государства. А в XVI столетии аркебузы (чуть позднее и мушкеты) европейцы взяли на вооружение в массовом порядке [Келли (2005), с. 96–97, 101; Пенской (2010), с. 34–35; Parker (1996), p. 17].

Качественное удорожание войны оказалось связано не только с появлением нового оружия, но и с вызванной «гонкой вооружений» необходимостью коренной реконструкции фортификационных сооружений, поскольку старые замки уже не справлялись теперь со своими функциями. Артиллерия легко преодолевала сопротивление обороняющихся, о чем свидетельствует тот факт, что в конце XV — первой половине XVI столетия в Европе не было отмечено ни одной длительной осады, которыми было так славно средневековье [Виолле-ле-Дюк (2007), с. 180].

В частности, проблемы возникали по той причине, что старые крепостные башни имели крыши малого диаметра. Это не позволяло устанавливать там пушки. Для разрешения проблемы в середине XV в. крыши были вообще убраны, а вместо них сооружены специальные площадки. Потом постепенно стали перестраивать сами башни. В новых условиях они должны уже были быть не столь высокими, как раньше (поскольку главной опасностью для осажденных становились теперь не штурмующие крепость воины, а пробивающая стены артиллерия), но зато более толстыми и по возможности вынесенными вперед. Изнутри они могли оставаться открытыми, поскольку, в отличие от средневековых донжонов, не предназначались для выдерживания осады в одиночку (когда вся остальная крепость уже занята противником), но зато должны были вмещать в себя как можно больше пушек. Понадобилась и принципиально новая система расположения отверстий для стрельбы. Башни имели теперь больше боковых амбразур, расположенных совсем низко, благодаря чему окружающие крепость рвы можно было простреливать по всей их длине [Там же, с. 168–169, 175–176].

Трансформация фортификации требовала привлечения дополнительных ресурсов. Великий художник Альбрехт Дюрер в своем «Наставлении к укреплению городов» писал, как надо строить крепостные стены, чтобы на них могла быть размещена артиллерия, но тут же специально оговаривал принципиальный вопрос, по которому у его оппонентов возникали сомнения: «И если скажут, что это будет дорого стоить, то пусть вспомнят о царях Египта, тративших так много на пирамиды, от которых не было никакой пользы, в то время как эти затраты приносят большую пользу» [Дюрер (2000), с. 190].

Яркий пример трансформации средневековой системы фортификации можно обнаружить в Таллине, где лучше, чем во многих других европейских городах, сохранилась крепостная стена с многочисленными оборонительными башнями. Практически все они однотипны за исключением более поздней «Толстой Маргариты», находящейся со стороны моря. Она была завершена в 1529 г., о чем свидетельствует надпись на гербе, вытесанном из камня Гертом Конингом. Как следует из самого «прозвища» башни, она значительно больше в диаметре, чем другие (24 метра). При этом одна лишь толщина стен составляет целых четыре метра, что обуславливалось появлением мощной артиллерии [Талисте (1974), с. 55]. Наверху находится большая открытая площадка, на которой могли устанавливаться пушки. Кроме того, в «Толстой Маргарите» есть амбразуры, расположенные по всей окружности, в том числе и в самом низу.

Другой интересный случай — Барбакан, сооруженный в 1498–1499 гг. перед Флорианскими воротами в Кракове. Это — укрепленное сооружение, внешне похожее на «Толстую Маргариту» (те же самые 24 метра в диаметре), но уже не входящее составной частью в старую крепостную стену, а вынесенное наружу. Барбакан имел стены трехметровой толщины и прикрывал Краков со стороны предместья Клепаж, откуда неприятель мог подвести к городу осадные машины и артиллерию [Савицкая (1975), с. 12]. Несколько позже, чем в Кракове, похожий Барбакан был построен в Варшаве.

Такого рода сооружения защищали от натиска противника городские ворота, однако в 1497 г. генуэзцы обнаружили, что можно прикрывать от артиллерийского огня не только ворота, но всю куртину в целом. Так появились рavelины [Duffy (1979), p. 34]. А перед ними стали выкапывать глубокие и широкие рвы для того, чтобы держать вражескую артиллерию на расстоянии и мешать противнику закладывать мины непосредственно под стены крепости [Parker (1996), p. 10].

Еще одно важное новшество — использование в качестве городских стен толстых земляных валов, которые могли лучше, чем камень, выдерживать артиллерийский огонь. Данный факт случайно обнаружили пизан-

цы в 1500 г., когда, осажденные флорентийцами, они спешно воздвигли насыпь за разрушенным участком старых городских укреплений. Впоследствии пизанский опыт неоднократно использовался в разных городах — Падуе (1515), Парме (1521), Марселе (1524), Меце (1552), Сиене (1552) и др. [Duffy (1979), p. 15; Мак-Нил (2008), с. 112–113]. Русские «переоткрыли» пизанское изобретение в 1580 г. при осаде поляками Великих Лук, но это, увы, не спасло город [Волков (2011), с. 274].

Земляные валы хорошо дополнялись еще одним важным изобретением эпохи — бастионом. Крепостная стена должна была быть не прямой, как в Средние века, а «извилистой», чтобы выдвинутые вперед укрепления позволяли обрушивать на противника перекрестный огонь, и это затрудняло бы осуществление штурма. В строительстве крепостных бастионов первенство держала семья флорентийских инженеров и архитекторов Сангалло [Duffy (1979), p. 29].

Один из наиболее хорошо сохранившихся образцов новой фортификации можно увидеть в Лукке, где расположены земляные валы столь значительной толщины, что по ним сегодня проложен прогулочный бульвар, огибающий старый город. В общей сложности длина оборонительных сооружений составляет 4200 метров. Одиннадцать тупоугольных бастионов, укрепленных кирпичной кладкой и 126 орудиями (находившимися там вплоть до 1799 г.), способны были держать под обстрелом всю окружающую Лукку территорию, тогда как их самих неприятельские снаряды пробить не могли [Лусса (2002), p. 6]. При сравнении Лукки с Таллином нетрудно заметить качественные изменения фортификации эпохи Ренессанса по сравнению со средневековыми стенами. Но самым ярким примером оборонительных сооружений нового типа является перестройка стен Вероны, предпринятая архитектором Микеле Санмикели во второй четверти XVI в. Он впервые использовал систему бастионов не просто для отдельной крепости, но для обороны целого города [Duffy (1979), p. 31]. Санмикели создал мощные укрепления, способные держать под артиллерийским обстрелом все пространство, на котором действовал противник, атакующий город.

Такого рода сооружения стали затем распространяться по всей Европе. В частности, итальянские инженеры начали строить укрепления во Франции. А фламандец Симон Штевин развил имевшийся фортификационный опыт во время нидерландской революции [Делюмо (2006), с. 213–214].

Вместо узких, тесных феодальных замков, загроможденных разными предметами обороны, которые часто не столько помогали, сколько мешали защитникам, стали строить новые, просторные крепости. Перед ними создавались дополнительные укрепления — деревянные и земляные валы, снижавшие эффективность артиллерийского огня врага. Изменилась и

конструкция стен, для укрепления которых понадобились теперь внутренние контрфорсы, скрытые в земляном валу. Особые проблемы возникли в морских портах и в городах, расположенных по берегам судоходных рек. Там понадобилось сооружать вдоль берега башни, соединенные между собой валами, которые защищали корабли от пушечных ядер противника [Виолле-ле-Дюк (2007), с. 191, 199, 203, 207–208]. Необходимость подобного строительства, естественно, еще больше увеличила стоимость фортификационных работ и поставила ведение эффективной войны в зависимость от финансовых возможностей сторон.

«Новые форты оказались непомерно дорогими, а их строительство невероятно трудоемким, — делает вывод Келли. — В стены цитадели Антверпена, законченной в 1571 г., было уложено 30 миллионов кирпичей. Стоимость пушек и пороха, потребных для обороны таких укреплений, также была обескураживающей. В отличие от средневековых замков, подобные крепости были не по карману мелким феодалам, это были стратегические, а не тактические твердыни. Их могли позволить себе только короли и императоры, властители централизованных государств, обладающих большими ресурсами» [Келли (2005), с. 107]. Даже Святой престол — весьма, как известно, небедный — вынужден был в 1542 г. отказаться из-за дороговизны от амбициозного проекта окружения Рима восемнадцатью мощными бастионами [Parker (1996), p. 12].

Только очень богатые властители могли позволить себе и еще один вид вооружения, качественно изменившийся в эпоху Ренессанса, — военноморской флот. В Средние века основным кораблем, находящимся на вооружении таких доминировавших в средиземноморье городов-государств, как Венеция и Генуя, являлась гребная галера, а морское сражение представляло собой рукопашную схватку сцепившихся друг с другом судов. Как это происходило, можно наглядно представить себе, например, в одном из залов сиенского Палаццо Публичо, где на фреске 1408 г. буквально переплелись галеры враждующих сторон, а бойцы оцетинились копьями, мечами, луками так, будто сражаются в поле.

Корабль новой эпохи был уже совсем иным. Он представлял собой плавучую крепость,двигающуюся под парусами, снабженную пушками, и вступающую в бой с противником, ведя артиллерийский огонь на расстоянии. К взятию на абордаж в этих условиях прибегали все реже. Боеспособность флота определялась не столько количеством размещенных на нем воинов, сколько быстроходностью и числом орудий. Строительство кораблей требовало теперь таких ресурсов, которые трудно было собрать даже богатому городу. А потеря каждого корабля представляла собой потерю целого состояния.

Итак, порох, огнестрельное оружие, новый подход к фортификации и строительство оборудованных пушками кораблей в совокупности определили первую причину трансформации армии и связанной с этим потребности в больших финансовых ресурсах. Другой причиной стало использование профессиональных наемных войск.

Такого рода войска не были для Европы новинкой. Преимущество наемных отрядов перед иными формами организации армии наглядно продемонстрировала история военного дела Византии, являвшейся в раннее Средневековье самым мощным европейским государством. Но она же продемонстрировала, насколько трудно сохранить профессиональную армию при отсутствии денег.

Начиная с III в., римский солдат получал от государства содержание, причем двух видов: регулярное жалование в денежной форме и продовольственный паек. Для комплектования армии император Диоклетиан ввел воинскую повинность, которая была возложена на землевладельцев среднего класса. При этом вместо рекрута государство могло потребовать определенную денежную сумму.

Когда во второй половине IV в. наметился кризис в деле комплектования армии, империя сделала упор на замену рекрутов варварами. По договору 382 г. они получили земли для расселения и обеспечивали охрану Дуная, препятствуя проникновению других варваров. Римляне же выполняли свой «воинский долг» перед государством по большей части деньгами, позволявшими платить новым воинам («федератам», как стали их называть) такую же зарплату, какую получал обычный солдат [Банников, Морозов (2015), с. 31 104, 198, 206, 239, 291]. Таким образом, римское войско стало больше походить на наемное, чем на рекрутское.

Однако в VII в. Византию постиг новый кризис армейского устройства, который, по всей видимости, был связан с арабским завоеванием и потерей ряда богатых территорий, обеспечивавших выплату налогов. Содержать наемников стало трудно, и число иноземных солдат сильно сократилось.

«Начиная с VII в. и до XI в. в Византии господствует так называемая фемная организация, которая существенно отличается от военной организации Империи как в предшествующую, так и в более позднюю эпохи. Большая часть византийской армии в этот период состояла из иррегулярных ополчений, которые базировались по особым военно-административным территориальным округам, называвшимся фемами» [Там же, с. 324].

Воины в этих ополчениях именовались стратиотами. В мирное время они сами себя обеспечивали посредством ведения хозяйства. А в случае войны обязаны были являться по приказу фемного стратига с оружием, амуницией и лошадьми, приобретаемыми за собственный счет [Там же, с. 401].

Понятно, что качество боевой подготовки стратиотов было невысоким. К тому же из-за большой дифференциации доходов и обнищания части населения некоторые «военнообязанные» утрачивали возможность обеспечивать себя. В итоге Византия вынуждена была вновь перейти к наемному принципу формирования войска, чему помогло происходившее в X в. масштабное переселение армян, давшее Империи новых иноземных солдат.

«Профессиональные наемные войска на службе Империи, — делают справедливый вывод эксперты по византийской армии А. Банников и М. Морозов, — с точки зрения тактики были более перспективными и обычно обеспечивали лучшее соотношение денежных затрат и получаемого результата, чем дешевые, но в основном плохо подготовленные фемные ополчения. <Кроме того> наемные солдаты больше зависели от тех, кто им платил, чем провинциальные войска» [Там же, с. 418–419]. О том же говорит и американский автор Эдвард Люттвак, характеризуя эффективную византийскую фискальную систему: «Со стратегической точки зрения наиболее важным следствием упорядоченного налогообложения было содержание регулярной армии. В то время как враги Византийской империи по большей части вынуждены были довольствоваться племенным ополчением, добровольческими отрядами, лихими людьми или угнетенными крестьянами, копавшимися на своих полях, чтобы обеспечить себя скудным пропитанием, византийцы могли позволить себе круглый год держать имперских воинов на жаловании и служилых моряков» [Люттвак (2012), с. 19].

Похожим образом обстояло дело и на Западе. Как только западноевропейская экономика позволила прибегнуть в широких масштабах к найму солдат, так сразу армия стала подвергаться радикальной трансформации.

Военное предпринимательство

Качественный перелом в военной истории Западной Европы произошел, когда вместо отдельных наемников, «встраиваемых» в феодальную армейскую систему, стали формироваться специальные контингенты, основанные на совершенно ином принципе. Американский историк Уильям Мак-Нил назвал его военным предпринимательством и справедливо заключил, что оно возникло в Северной Италии на базе городов раннего Ренессанса (дученто).

Эти города способны были до поры до времени обороняться с помощью народного ополчения, что показала, например, борьба Ломбардской лиги с Фридрихом Барбароссой [Опль (2010), с. 79–126]. Однако в условиях роста экономики и возникающей социальной дифференциации населе-

ния «гражданские смуты, — отмечал Мак-Нил, — ослабляли оборону городов. Напряжение конфликта между двумя противоборствующими сторонами усиливалось частыми столкновениями интересов богатых и бедных, капиталистов и работников. В подобных условиях особое значение приобрела практика найма чужаков, которые должны были заменить граждан на войне» [Мак-Нил (2008), с. 88–89]. При этом доминирующие в городах кланы оказались удовлетворены возможностью иметь солдат за соответствующую плату. Богатым людям на них было проще опираться, чем на народную милицию [Mallett (1974), p. 18].

Постепенно выяснилось, что наемник — лучший солдат, чем «прикопанный к рабочему столу банкир или робкий торговец». Богачи с радостью оплачивали привлечение целых армейских контингентов, лишь бы не сражаться самим. А по мере того, как военные кампании в Италии становились длительными (почти что круглогодичными), городские ополчения полностью вытеснялись наемниками. Не могли же предприниматели и ремесленники «вечно сидеть в гарнизонах за сотню километров от своего города» [Мак-Нил (2008), с. 94–95].

Наверное, последним энтузиастом, мечтавшим возродить городские ополчения в Италии, был Никколо Макиавелли, полагавший, что патриотизм важнее щедрой оплаты меча профессионала. Ему, как сотруднику городской власти, удалось опробовать свои взгляды на практике, но, увы, «патриоты» на поверку оказались небоеспособны. После этого эксперимента, покрывшего Флоренцию позором, ополчение ликвидировали навсегда [Жиль (2005), с. 40, 97–98, 152–153, 162]. С этих пор, как отмечает ван Кревельд, «население должно было платить налоги тому правительству, которое в данный момент оккупировало территорию его проживания. Если люди выполняли это условие, от них уже никто не требовал ненависти или бурной, самозабвенной радости по отношению к кому бы то ни было: от них требовалось лишь не путаться под ногами» [Кревельд (2008), с. 73]. В первую очередь под ногами наемников.

История наемных войск восходит к началу XIII столетия, т.е. именно к тому времени, когда в торговых и банкирских городах Италии стали концентрироваться крупные ресурсы. Первые военные профессионалы появились в Генуе и Сиене, которые тогда были экономически более развиты. Но к середине века наемники имелись и во Флоренции [Mallett (1974), p. 14]. Если развитие огнестрельного оружия определялось не только наличием денег, но и темпами технического прогресса, а потому было растянуто во времени, то применение наемных войск шло синхронно с образованием бюргерских капиталов. Воспользовавшись деньгами, горожане, вместо того чтобы всем вместе «становиться под ружье», стали включать

в свои отряды некоторое число профессиональных военных, служащих хозяину за деньги. Так, широкую известность получили в XIII в. каталонские и генуэзские арбалетчики, продемонстрировавшие способность побеждать рыцарскую конницу [Мак-Нил (2008), с. 89].

Ко второй половине столетия профессионалы стали уже заметной составляющей в крупных сражениях. Например, в битве при Монтаперти (1260 г.) между сиенским ополчением, германскими рыцарями, а также флорентийскими гибеллинами, с одной стороны, и войском флорентийской коммуны, с другой, на стороне последней сражались 200 наемников-кавалеристов, набранных в Эмилии и Романии. С ними были заключены трехмесячные контракты. Через 17 лет (в 1277 г.) на флорентийской службе оказывается уже сотня англичан. К 1289 г. краткосрочные контракты превращаются в долгосрочные: сотня-другая набранных за деньги анжуйцев служит Флоренции на протяжении целых двух лет.

Дополнительным фактором, определившим возрастающую роль денег при организации войны в XIII в., стало ведение боевых действий на сравнительно удаленной территории, что требовало транспортировки армии и дополнительных усилий по организации ее снабжения. Например, когда Карл Анжуйский, получивший в 1265 г. из рук папы Климента IV сицилийскую корону, вступил в борьбу с Манфредом Гогенштауфеном, он использовал заемные средства, предоставленные Сиеной и Флоренцией. Война завершилась для него успешно, однако в 1282 г. он Сицилию все же потерял. Чтобы отвоевать утраченное, Карл вновь прибегнул к займу, который дала ему богатая флорентийская семья Аччайуоли [Гуковский (1990), с. 38, 42].

Похожим образом развивалось дело и в другой торгово-ремесленной части Европы — в Нидерландах. Там инициатива в деле привлечения наемников исходила не столько от бюргерства, сколько от местных властителей, которые перестали опираться на одно лишь рыцарское войско, но стремились привлечь средства богатых фландрских и брабантских городов для того, чтобы нанять профессиональных военных. Война стала в этой ситуации дорогим делом. «Чтобы справиться с вызывавшимися ею расходами, для покрытия которых не хватало доходов с собственных доменов, князя обращались за помощью к городскому населению. Они требовали с него налогов или просили его гарантировать заключавшиеся ими займы. <...> В других случаях князя просили у городов безвозмездного дара (bede), на который те соглашались в обмен на обещание разных привилегий и вольностей. Словом, в XIII в. граф фландрский сильно зависел от своих городов. <...> Поэтому между графом и городами с давних пор создались весьма своеобразные отношения. Хотя городам не было даровано права вмешательства в дела управления, но они стали оказывать значительное

влияние на общую политику. Чтобы получить от них денежную помощь, надо было вести переговоры с ними, склонять их на свою сторону, давать им требовавшиеся ими привилегии» [Пиренн (2001), с. 194, 258].

Крупный конфликт, разразившийся между королем Франции и графом фландрским Гюи де Дампьером в конце XIII в., заставил последнего прибегнуть к использованию профессиональных военных. Рассчитывать на свое дворянство он практически не мог, поэтому войска, которыми располагал граф, состояли по большей части из немецких рыцарей и наемников, намербованных в Рейнской области. Французы также использовали наемников, хотя основа королевской армии была рыцарской. В знаменитой битве при Куртре 11 июля 1302 г. рядом с французскими дворянами шли против фламандцев генуэзские арбалетчики и нанятые за деньги немецкие рыцари. Впрочем, это не спасло французов от поражения [Там же, с. 322, 328, 331].

Но вернемся в Италию. Если в XIII в. города нанимали солдат в основном индивидуально, то после 1330 г. использование целых наемных отрядов (так называемых компаний) стало главным отличительным признаком итальянских армий [Mallett (1974), p. 13; Контамин (2001), с. 176].

Любопытно, что первыми капитанами военных компаний в Италии были каталонцы [Mallett (1974), p. 25], хотя на Пиренейском полуострове в это время регулярно оплачивались только отряды арбалетчиков и лучников [Рюкуа (2006), с. 139]. По всей видимости, солдат уходил туда, где был платежеспособный спрос. С 1329 г. компании стали активно пополняться немцами, дезертировавшими из императорской армии [Mallett (1974), p. 29].

До середины века компании являлись временными формированиями: они то возникали для ведения боевых действий, то рассеивались, когда заканчивалось финансирование. Такой капитан, как Вернер фон Урслинген, смог, например, в 1342 г. собрать разнообразных наемников, рассеявшихся после окончания войны Флоренции с Пизой [Parrott (2012), p. 40–41]. Но вскоре возникли крупные, стабильные структуры со своим именем: компания Святого Георгия, Великая компания, Белая компания [Mallett (1974), p. 29–36].

В 1360 г. в связи с заключением мирного договора, приостановившего на время Столетнюю войну, без работы осталось порядка 10 тысяч французских и английских солдат, причем три-четыре тысячи из них весьма профессиональных [Fowler (2001), p. 6]. В результате на Апеннинах появилось множество опытных наемников, привлеченных богатствами итальянских городов, готовых платить за свою защиту [Коллинсон-Морлей (2005), с. 13–14]. Предложение услуг в сфере военного предпринимательства стало постепенно обгонять спрос.

Правда, преобразования обернулись не только достижениями, но и проблемами. Наемники не всегда «цивилизованно» обслуживали города, но и сами их грабили, если не имели контракта, а значит, средств существования. Это стимулировало горожан скидываться на наем отрядов, чтобы те не сидели без дела, поддаваясь дурным мыслям. «К 1380 г. стихийно возникавшие “вольные компании” исчезли — города стали заключать контракты с капитанами, обязывавшимися за определенную плату нанимать подразделения» [Мак-Нил (2008), с. 96].

Одним из первых таких капитанов был англичанин Джон Хоквуд, долгое время служивший Пизе, Милану и Святому престолу в Риме, но затем (1377–1394 гг.) осевший на службе у Флоренции [Mallett (1974), p. 36–41, 54–56; Parrott (2012), p. 41] и увековеченный благодарными горожанами на большой фреске в кафедральном соборе Санта-Мария-дель-Фьоре. После Хоквуда само мировоззрение командиров наемных отрядов менялось. В XV в., по мнению военного историка Филиппа Контамина, «кондотьер уже считает себя не главарем банды, а генералом, которого восхваляют художники и писатели» [Контамин (2001), с. 179]. Лучший пример — Бартоломео Коллеони, который под конец жизни стал одной из важных фигур в Венеции и удостоился конной статуи работы Андреа Верроккьо [Оке (2006), с. 366–368]. Рядом с Венецией, в Падуе, стоит памятник кондотьеру Гаттамелате, сотворенный Донателло. Увековечить Франческо Сфорца в Милане пытался сам Леонардо да Винчи, но так и не завершил работу.

Для формирования военного предпринимательства большое значение имел не только платежеспособный спрос на охранные услуги, но и кредит, который могли получать кондотьеры в развитой банковской среде Северной Италии. Им ведь надо было содержать свои компании до тех пор, пока не придет первый (или очередной) заказ. Например, в 1443 г. кондотьер Федерико Монтефельтро (правитель Урбино) использовал банкиров из Витербо, чтобы финансировать и оснастить свои войска [Parrott (2012), p. 45].

Впрочем, авансировать содержание большой армии кондотьерам было тяжело, и богатые города все чаще стали напрямую нанимать солдат к себе на службу. Поскольку содержание отрядов становилось делом постоянным, потребность в кондотьере как военном предпринимателе исчезала, хотя он, естественно, оставался полководцем. К середине XV в. такое положение дел сложилось в Милане, Венеции, Риме и, в меньшей степени, Неаполе [Mallett (1974), p. 114].

При всем значении итальянского военного предпринимательства надо заметить, что наемничество в качестве общеевропейского явления могло утвердиться лишь в ходе по-настоящему крупной войны. Как и в случае с использованием артиллерии, новатором в деле формирования наемных от-

рядов, составляющих основу большой армии, стал английский король Эдуард III. При нем Англия из третьесортной военной державы превратилась, как отмечают кембриджские историки, в сильнейшую нацию Европы [Клох, Митгау (2001), р. 15].

Опыт военной службы за плату имелся в Англии примерно с 1100 г. [Морган (2008), с. 150] или, по крайней мере, со времен Генриха II (вторая половина XII в.), который ввел для финансирования армии специальный налог — щитовые деньги. Это, по всей видимости, не столько создало возможность формирования чисто наемного войска (как в Италии), сколько обеспечило ресурсы для дополнительного стимулирования ополченцев.

С 1181 г. призывать в ополчение можно было каждого свободного человека. Неудивительно, что при Эдуарде I (конец XIII — начало XIV в.) в войнах с Уэльсом и Шотландией участвовали большие отряды лучников (до 35 тысяч человек), получавших от короля плату. При этом сражались ополченцы каждого графства под командованием шерифов, а не феодальных сеньоров. Рыцарские ополчения также подчинялись констеблям и шерифам, а через них — лично королю. При необходимости такие отряды даже применялись для приведения к покорности крупных феодалов [Гутнова (1960), с. 61–69, 84].

Эдуард III, опираясь на уже сложившуюся к его времени традицию, предпринял попытку синтезировать английский организационный опыт ведения войн с итальянскими финансовыми ресурсами, без которых невозможно было вторгнуться на континент и сражаться с крупной европейской армией. В ходе Столетней войны (XIV–XV вв.) костяком войска стали вольные лучники, набранные из крестьян, снаряженные на государственный счет и находившиеся в зависимости лично от монарха. А кроме того, рыцарские отряды Эдуарда были, по существу, наемными и подчинялись также королю, а не отдельным феодалам [Басовская (2003), с. 191; Клох, Митгау (2001), р. 24]. Французская же армия, напротив, строилась на феодальной основе, что стало одной из важнейших причин ее поражения в битве при Креси в 1346 г.

Каким образом образовались средства для обустройства армии нового типа? Щитовых денег на проведение столь масштабной операции было недостаточно. Эдуард III произвел крупные займы у флорентийских банкирских домов Барди (900 тысяч флоринов), Перуцци (600 тысяч) и Аччайуоли, что в конечном счете привело их к банкротству. Эдуард так и не смог отдать им позаимствованное [Клулас (2007), с. 21]. То ли война не принесла того дохода, который позволил бы рассматривать ее в качестве выгодной деловой операции, то ли полученные от нее деньги были быстро растрочены на укрепление армии и перевооружение. А может, они просто

растеклись между пальцами и были разворованы. Новый кредит пришлось брать у архиепископа Трирского под залог короны, которую изготовили Эдуарду для восшествия на французский престол [Фавье (2009), с. 83].

Потребность в извлечении дохода, позволяющего окупить мероприятие, во многом определила характер военных действий, которые стали осуществлять англичане. Историками отмечается, что это была очень жесткая война. Она велась не только с рыцарями армии противника, как было принято в Средневековье, но во многом — с народом. Англичане грабили французские города — а как им было их не грабить, когда война стала, по сути, коммерческим предприятием? На ее ведение одолжили деньги, и их требовалось отдавать с процентами. Боевые действия должны были не просто принести английскому королю земли. Они должны были дать определенную выручку.

В Средние века грабить, естественно, можно было любого, кто слабее тебя [Травин (2013а), с. 38–40], но все же рыцари как «стационарные бандиты» [Олсон (2012), с. 33–37] предпочитали не резать курицу, которая в случае победы могла принести им золотые яйца. Теперь же потребность в грабеже была, несмотря ни на какие «яйца», объективно обусловлена. Она, в свою очередь, сформировала то, что принято порой называть французским патриотизмом, когда с англичанами стали бороться не только войска, но и отдельные партизаны. Началось это народное движение после битвы при Пуатье в 1356 г. и в конечном счете привело к появлению знаменитой Жанны д'Арк, ставшей символом сопротивления.

Тем не менее поначалу дела в коммерческом плане развивались для англичан неплохо. Им удавалось получать значительную выручку от захвата денег, пленников и имущества. «Грабительские рейды английских войск по территории Франции, захват городов принесли большую добычу. В Англию, начиная с 1346 г., на кораблях доставлялись драгоценности, одежда, деньги. По словам Уолсингема, в Англии “теперь не было женщины”, не имевшей одежды, украшений, посуды из Кале и других французских городов. Во многих домах появились золотые и серебряные изделия из Франции. Серьезным источником доходов стали выкупы за богатых и знатных пленников, огромное число которых появилось в Англии после 1346 г. Возникла даже спекуляция пленными, их подчас неоднократно перепродавали и обменивали. Наиболее емко выразил новые ощущения англичан по этому поводу хронист Бертон после сообщения о взятии Кале: “И возникло тогда общее мнение народа, что пока английский король будет завоевывать Французское королевство, они будут процветать. В противном случае и их положение ухудшится”» [Басовская (2003), с. 197–198].

О том, что именно нужда в деньгах (т.е. коммерческий смысл предприятия) лежала в основе жестокости, с которой подошли к вторжению во Францию англичане, свидетельствует, например, тот факт, что герцогу Бургундскому удалось откупиться от грабежей и погромов. Получив деньги, Эдуард III согласился «мирно пройти» через Бургундию [Там же, с. 211].

Франции надо было реагировать на поражения, и это обусловило трансформацию армии. Война со всеми ее неудачами постепенно заставляла французских монархов перестраивать войско, ориентируясь на привлечение наемников. Отдельные оплачиваемые казной ленники имелись во Франции еще в XIII в., однако они получали столь ничтожную плату, что ее можно было, скорее, счесть не вознаграждением за труд профессиональных бойцов, а компенсацией их походных издержек [Контамин (2001), с. 107–109]. Наемники как таковые появились позже именно в ходе Столетней войны.

Поначалу во Франции призывали в районах боевых действий чуть ли не всех, кто мог носить оружие, но простолюдины сражались плохо, поскольку не умели и не любили воевать [Такман (2013), с. 105–108]. Вследствие этого короли Иоанн II Добрый и Карл V Мудрый сочли бесполезным с военной точки зрения и опасным с политической точки зрения использование народных ополчений отдельных коммун. Они отдали предпочтение найму арбалетчиков в Испании, Италии и Провансе, а также небольшим отрядам стрелков и павезьеров (щитоносцев, прикрывавших стрелков так называемыми павезами), которых присылали французские города [Контамин (2001), с. 150]. Генуэзские и каталонские арбалетчики были в ту эпоху, пожалуй, наиболее эффективными солдатами, получавшими за свою службу плату, вдвое большую, чем простой пехотинец [Бартлетт (2007), с. 76].

С середины XIV столетия стал напрямую заимствоваться итальянский опыт использования военных предпринимателей. Король заключал договор о найме с определенным капитаном, имеющим свой отряд, насчитывавший от 50 до 200 человек (побольше во время военных кампаний, поменьше в тот период, когда боевые действия затухали). Но на военном рынке было еще слабое предложение, а самое главное — спрос на наемников трудно было подкрепить достаточным объемом бюджетных ресурсов. Поэтому феодальная система построения армии в целом в эту эпоху еще оставалась определяющей, хотя солдаты, которых приводили королевские вассалы, уже получали жалование. Такого рода феодальный призыв сохранялся наряду с наймом примерно до конца XV в. не только во Франции, но и в других государствах Западной Европы — Германии, Дании, Кастилии [Контамин (2001), с. 171–173, 181–183; Фавье (2009), с. 292].

Но со временем значение наемников (особенно иностранных — шотландцев, ломбардцев, кастильцев, арагонцев) возрастало. Знать устала служить королю и смотрела, куда ветер дует, тогда как профессионалы обычно верно служили, если, конечно, им не забывали вовремя платить.

Впрочем, появилась другая проблема. Ради заработка наемники не гнушались никакими дурными средствами. Иногда умудрялись брать деньги у обеих враждующих сторон. Хуже того, французские капитаны (как ранее итальянские) попеременно то бились за своего нанимателя, то разбойничали, объединяясь в так называемые бригады и привлекая к себе неимущих, желавших зарабатывать деньги «на большой дороге». Кроме них, страну грабили наемники, воевавшие раньше за Эдуарда, но переставшие получать от него плату. Разбойничали они не в Англии, а по месту своего постоянного пребывания. В целом, согласно оценкам, три четверти Франции оказались во власти бригад, членов которых здесь прямо называли живодерами. Поэтому вскоре зародилась мысль о необходимости платить солдатам в походе, чтобы они сражались, и платить в период между походами, чтобы они не грабили королевство. Карл VII систематически внушал эту мысль провинциальным штатам, убеждая вотировать налоги, которые предпочтительнее грабежа [Фавье (2009), с. 256, 470, 553–555; Такман (2013), с. 187–189, 249–251].

Собственно говоря, именно при Карле VII произошел качественный перелом в военном деле. В 1445–1446 гг. были созданы так называемые ордонансные роты (компании) в количестве 1800 «копий». Каждое «копье» состояло из шести человек — конного латника (жандарма), двух приданных ему лучников, двух слуг и оруженосца. На протяжении четверти века численность рот была постоянной, но затем стала быстро расти, составив в конечном счете почти 3000 «копий». К концу XV в. французская монархия содержала на службе постоянные войска численностью от 20 до 25 тысяч человек (включая гарнизоны крепостей), тогда как в XIV столетии постоянное ядро армии в мирное время составляло лишь 2 тысячи солдат. Именно благодаря ордонансным ротам Карл VII отвоевал страну у англичан, а Людовик XI победил бургундского герцога Карла Смелого. При этом бригады, не принятые на государственную службу и не вошедшие в состав ордонансных рот, расформировывались, а сопротивление недовольных этим солдат жестко подавлялось. Таким образом, были побеждены не только враги внешние и внутренние, но также разбойники [Контамин (2001), с. 189–190; Ле Руа Ладюри (2004), с. 37; Такман (2013), с. 671–672; Фавье (2009), с. 573–575].

Конная жандармерия французской армии состояла на 60–70% из национальной аристократии и на 15% из иностранцев [Hale (1986), p. 69, 92].

С наймом пехоты дело обстояло сложнее. В нее набирали «авантюристов» по большей части из Гаскони и Пикардии с помощью специальных капитанов, получавших за это комиссионные. Пехотинцев вооружали пиками, алебардами и аркебузами. Поскольку собственной живой силы не хватало, долгое время прибегали к найму иностранцев — немцев, швейцарцев. Это было страшно разорительно для государства. Про швейцарцев в те годы писали: «они запрашивают столь большие деньги, причем столь необоснованно, что почти невозможно их удовлетворить» [Knecht (1994), p. 69–70, 193].

Бургундия, в отличие от Франции, сильно запоздала с ордонансными ротами, сформировав их лишь в 1470 г. [Контамин (2001), с. 191]. Феодалная же армия, по свидетельству крупного государственного деятеля XV в. Филиппа де Коммина, представляла там ужасающее зрелище. Вот как описывает он сражение 1465 г., виденное собственными глазами: «Бургундские кавалеристы прорвали ряды собственных лучников — цвет и надежду армии, не дав им возможности ни разу выстрелить, и ринулись вперед. Примерно из 1200 этих кавалеристов не более 50, как я полагаю, умели держать копье наперевес и от силы 400 были в кирасах, а слуги все были невооруженными, поскольку долгие годы не знали войны. Наемных же солдат Бургундский дом не держал, дабы не отягощать народ налогами» [Коммин (1986), с. 17]. Дом этот, в конце концов, рухнул под ударами Французского дома, изрядно отягощавшего народ фискальным бременем.

Успехи в переводе армии на наемный принцип зависели прежде всего от финансового состояния государства. Король постоянно взимал с населения два ключевых налога — прямой поземельный (талья) и косвенный на соль (габель). Но средств все равно не хватало. Поэтому регулярно (один или два раза в год) король Франции обсуждал с депутатами генеральных или провинциальных штатов выделение специальной помощи (эда) для ведения войны. Чтобы собрать деньги, дополнительно облагались налогом важнейшие товары, особенно скот, во многих городах королевства [Knecht (1994), p. 58–59].

«Налог, — по оценке историка Столетней войны Жана Фавье, — воспринимался как нескончаемое бедствие и не мог служить ни твердой основой для постоянного функционирования гражданских механизмов правительства, ни надежной базой для поддержания порядка 12 месяцев в году. Война велась в виде отдельных походов, и средства для нее королевская власть собирала с помощью отдельных налоговых кампаний, для каждой из которых вводили особые правила и разные органы для обложения и сбора. <...> Каждый налог представлял собой единое целое со своим названием, своей суммой, своей датой» [Фавье (2009), с. 571].

Сложилась своеобразная «демократия налогоплательщика» [Гайдар (2005), с. 241–251], когда депутаты каждый раз решают, заинтересованы ли они выдать королю очередной транш. Понятно, что с наступлением относительно мирного времени или при переходе от войны «отечественной» к войне захватнической настроения народных представителей менялись и они прятали свои кошельки. Депутаты не могли вообще отказать королю в талье, но имели право усомниться в целесообразности предоставления государству дополнительной поддержки. Более того, некоторые крупные регионы (Бургундия, Прованс, Лангедок) могли обсуждать с королем вопрос о том, как распределят их деньги, пойдут ли они на те цели, которые важны для самих плательщиков [Knecht (1994), p. 60, 69].

Хотя налоговое бремя во Франции при Людовике XI было самым большим среди всех европейских регионов [Ле Руа Ладюри (2004), с. 72, 77], денежных средств все равно не хватало. Из-за недостатка финансовых ресурсов военная реформа то приостанавливалась, то даже откатывалась назад. Так, Людовик XI распустил вольных лучников, принудительно набираемых среди гражданского населения по принципу «один рекрут на пятьдесят семей» [Эрс (2007), с. 267–268], заменив их дорогостоящими швейцарскими наемниками и местными пехотинцами. Но эти первые пехотные полки не пережили восшествия на престол Карла VIII и тех сокращений бюджета, на которые пришлось пойти французской монархии. Генеральные штаты, собранные в Труа в 1484 г., снизили налоговое бремя более чем в два раза. Неудивительно, что в 1488–1492 гг. во время войн с Бретанью и Максимилианом Габсбургом французская пехота вновь состояла из вольных лучников, а также нескольких рот швейцарцев и отрядов, набранных в Пикардии, Нормандии или Гаскони только на время компании [Контамин (2001), с. 151; Ле Руа Ладюри (2004), с. 95–96]. Однако вольные лучники сильно уступали наемникам, поскольку им не хватало умения, а кроме того, они сражались не за плату, а за право не платить налоги. Это подрывало бюджет королевства и не обеспечивало должного военного профессионализма [Фавье (2009), с. 576].

В дальнейшем, когда начались итальянские войны (1494 г.), были введены новые налоги, которые в совокупности с займами позволили довести размер армии до 40 тысяч человек (из которых три четверти составляли наемники) и оснастить ее огнестрельным оружием. Но стоило войнам окончиться, как при Людовике XII фискальное давление государства вновь было снижено. Следующую сорокатысячную армию довелось собрать только Франциску I в 1515 г. для очередного похода в Италию [Ле Руа Ладюри (2004), с. 106–107, 115, 144]. Более половины в ней составляли немецкие наемники, поскольку национальной пехоте во Франции не слиш-

ком доверяли из-за провала эксперимента с вольными лучниками [Knecht (1994), p. 70; Voone (2007), p. 123].

Несмотря на демократию налогоплательщика, общая тенденция, начиная с Людовика XI, оформилась достаточно четко — налоговое бремя возрастало. При Людовике XII королевские доходы росли в среднем на 2,38% ежегодно, при Франциске I — на 1,44%, при Генрихе II — на 5,7% [Knecht (1994), p. 186].

В кризисной ситуации, когда расходы были особенно велики, а налоги собрать толком не удавалось, Франции приходилось прибегать к экстраординарным способам аккумуляции ресурсов. Франциск иногда занимался своеобразным шантажом, вынуждая богатые города предоставлять ему субсидии под угрозой обложения дополнительными сборами. Города в ответ торговались, энергично сопротивлялись. Порой сильно снижали королевские требования. Но все же раскошеливались. Не менее жестко монарх обходился с церковью. В 1522 г. он «наложил лапу» на ее ценности. В частности, присвоил три или четыре золотые статуи апостолов из собора в Лане (серебряные, правда, оставил). Так что нашему Петру I было в этом смысле у кого поучиться [Там же, p. 190, 195].

Американский историк Джеймс Вуд собрал любопытные данные о финансировании королевской армии при Генрихе II за один трудный месяц (октябрь 1568 г.) эпохи религиозных войн. Выяснилось, что для сбора денег использовалось 24 различных источника, причем лишь 26% финансирования приходилось на налоги. 29% средств поступало от продажи должностей и земель королевского домена, а около трети приходилось на займы [Wood (1996), p. 291]. Долговое бремя было очень тяжелым. Еще Франциск одалживал деньги в общей сложности у 124 кредиторов, среди которых 87 были итальянцами, в основном обосновавшимися в Лионе. Когда отношения с ними ухудшились, король стал брать деньги у своих подданных: парижских купцов и налоговых чиновников, которые при нехватке средств в казне просто докладывали туда собственные, а возмещали себе ущерб доходами следующих лет, еще сильнее вгоняя страну в долговой кризис [Knecht (1994), p. 188–189]. Наемная армия ложилась тяжелейшим бременем даже на наиболее богатые европейские страны XV–XVI столетий.

Таким образом, можно сделать вывод, что финансы сословной монархии позволяли вывести королевские войска на новый качественный уровень, хотя сохраняли нестабильность поступлений в казну. Дипломат XVI в. Бернардино де Мендоса отмечал, что «победу одерживает тот, кто изыщет последний эскудо» [Parker (1996), p. 62]. А современный историк Роджер Осборн в связи с этим даже делает радикальный вывод: «Войны, как правило, прекращались не в результате окончательного поражения или

триумфа, а потому что у враждующих сторон иссякали денежные ресурсы, и им приходилось соглашаться на незначительные приобретения или потери [Осборн (2008), с. 376].

И все же успехи Франции на завершающем этапе Столетней войны обусловили демонстрационный эффект, благодаря которому разные страны Европы стали переходить к постоянно функционирующим наемным армиям. Теперь монархи стремились собирать их не для отдельных кампаний, а для постоянной службы.

Когда Генрих Тюдор, претендовавший на трон Англии в ходе войны Алой и Белой роз, обратился за помощью к французскому королю, Карл VIII (тогда еще совсем мальчишка) сразу посоветовал сформировать армию из наемников. Для этого он выделил Генриху большую субсидию, а кроме того, Тюдор еще признал денег у купцов Руана и Барфлера. Наняли 4000 солдат, большей частью французов. Именно этот контингент позволил совершить высадку на острове и начать борьбу. Лишь позднее армия будущего Генриха VII обросла перешедшими на его сторону вассалами и земляками валлийцами. Ричард III заклеил позором изменника, приведшего французов на родную землю, но это не спасло его от поражения [Гриффитс, Томас (1997), с. 194, 210–214, 228, 245, 252, 256].

Английская армия, правда, надолго осталась маленькой из-за островного положения страны, которой не могли угрожать агрессоры. Но на континенте масштабы перевооружения и переструктурирования были иными. Итальянский опыт военного предпринимательства, успешно опробованный французами на своей земле, переняли за Рейном и за Пиренеями. Он радикально изменил армии к началу XVI в. «Во многих странах Запада появилась пехота, очень непохожая на воинов, традиционно использовавшихся на протяжении всего Средневековья. Она состояла из больших групп пехотинцев, получивших определенную воинскую специальность и хорошо обученных» [Контамин (2001), с. 154].

К этому надо добавить еще и то, что армии ренессансной эпохи не имели национального характера. Свободный рынок наемников позволял привлекать наиболее квалифицированных солдат туда, где имелись ресурсы. Даже в многонаселенной Франции армия, сражавшаяся при Мариньяно (1515 г.), состояла преимущественно из немцев [Parrott (2012), p. 59]. И в середине XVI в. она на 70% оставалась составленной из иностранцев (8 тысяч германских кавалеристов плюс более 20 тысяч германских и швейцарских пехотинцев). Правда, в годы религиозных войн (1562–1575 гг.) доля французов среди солдат постепенно увеличивалась с 62 до 88% [Wood (1996), p. 41, 64]. Но в других странах Европы без иностранцев на военной службе обойтись было значительно труднее. Поэтому, скажем,

имперская армия, размещенная в Италии в 1530 г., включала 14 тыс. итальянцев, 8 тыс. немцев и 6 тыс. испанцев. В дальнейшем соотношение наций менялось в зависимости от того, где шли бои, но интернационализм армии сохранялся все время [Ггасу (2002), р. 126, 139, 177]. Неудивительно, что и в России постепенно стали формировать полки иноземного строя.

Ярчайшим образцом наемников нового типа, постоянно продававших свой «меч» (точнее, пику и алебарду) за границей, были швейцарцы, издавна обладавшие неплохим опытом военных действий по защите своих горных кантонов от агрессии со стороны [Оман (1885), р. 62–95]. В начале XVI в. их привлек к себе на службу миланский герцог Лодовико Сфорца. Хорошее финансирование позволило группе влиятельных капитанов набрать войска в кантонах, где не имелось стабильных доходов. По некоторым оценкам, наемник получал тогда примерно столько же, сколько хороший городской мастер, и раза в два больше скромного аграрного труженика [Parrott (2012), р. 48, 53; Коллинсон-Морлей (2005), с. 285]. Однако у Милана в конечном счете не хватило ресурсов для противостояния с мощными соседями (Францией и Испанией), поэтому швейцарцы его не спасли, но в дальнейшем активно привлекались на службу к различным государям.

Во второй половине XV в. кроме Франции и Бургундии только богатая Венеция имела постоянную наемную армию, сопоставимую с ними по численности и силе — 8 тыс. человек [Hale (1986), р. 65]. Но затем ситуация стала быстро меняться.

В Кастилии трансформация началась в ходе войны с арабами за Гранаду (1492 г.). В ней участвовали все традиционные феодальные силы: и королевские люди, и дружины испанских грандов, и кавалеры духовно-рыцарских орденов. Однако при этом появилась новая тенденция. Поход на Гранаду представлял собой что-то вроде крестового похода. Поэтому римский папа с 1482 г. фактически выделял средства на формирование испанской армии (уступая доход от индульгенций католическим королям), а также предоставлял льготы при уплате десятины тем «частникам», которые спонсировали «крестоносцев». Порядка трех четвертей общей суммы, необходимой для войны, было получено с помощью Святого престола. На эти деньги, а также на итальянские кредиты были наняты швейцарцы, французы, немцы, англичане, численность которых вскоре стала существенно больше численности феодальных сил. В начале XVI в. появились и чисто кастильские наемные полки (терции), сформированные преимущественно из благородных идалго. В основе реорганизации армии лежала деятельность знаменитого полководца Гонсало Фернандеса де Кордобы («Великого капитана»). Терции были сравнительно немногочисленны, но весьма эффективны в бою. Каждая состояла из 10 компаний по 300 чело-

век, причем две компании формировались из стрелков-аркебузирив. Среди остальных большую часть контингента составляли бойцы, вооруженные пиками, меньшую — короткими мечами [Альтамира-и-Кревеа (2003), с. 347, 548–549; Кеймен (2007), с. 40, 234–235; Davies (1937), p. 24; Tracy (2002), p. 31; Notario Lopez, p. 11].

В Империи становление новых воинских отрядов шло медленнее, поскольку для их найма постоянно не хватало денег. Германия, в отличие от Франции, не стояла перед лицом английской угрозы и, в отличие от Испании, не должна была решать задачу реконквисты. Поэтому император не мог убедить сословия в необходимости скинуться на формирование новой армии.

Максимилиан I Габсбург приступил к формированию профессиональных отрядов ландскнехтов в 1486 г. Этот император представлял собой яркий тип переходной фигуры — от храброго рыцаря, воина Средних веков к профессиональному пехотинцу, солдату нового типа. «При нем нобили стали делать армейскую карьеру, а простые солдаты получили шанс стать благородными господами» [Cunea (2001), p. 78–79]. И это само по себе формировало ландскнехтов как некую новую корпорацию. Если в основе швейцарской воинской сплоченности лежала земляческая солидарность (общее происхождение из одного кантона), а единство испанских идалго, сражавшихся плечом к плечу в терции, покоилось на общности католической веры, то ландскнехты заложили основы современной армейской корпоративной солидарности. Именно для немцев военная карьера являлась, как правило, результатом индивидуального выбора. И этот выбор порождал их переход в новое качество. Нельзя сказать, что они просто служили за деньги. Тем более нельзя сказать, что они сражались за веру или за родину, которая была тогда еще весьма абстрактным понятием. Ландскнехты делали карьеру чести и тем походили на офицеров будущего [Parrott (2012), p. 60–61].

Максимилиана прозвали отцом ландскнехтов, настолько он обожал свое новое детище. Подопечные императора показывали неплохие результаты и, в частности, овладевали аркебузами (а затем и мушкетами) быстрее знаменитой швейцарской пехоты [Там же, p. 54–55]. Однако Максимилиан безуспешно требовал от Рейхстага в Вормсе (1495 г.) введения «общественного пфенинга» для противостояния французам в итальянских войнах. Курфюрсты не желали «скидываться». Более того, на Рейхстаге в Аугсбурге (1500 г.) они даже решились ограничить императора в правах, чтобы тот не транжирил бюджет понапрасну. Поэтому столь любимые Максимилианом ландскнехты временами разбегались. Фактически в империи еще в начале XVI в. продолжала действовать старая (исчезнувшая в Италии после 1380 г.) система заключения временных договоров с кондо-

тьерами (типа знаменитого Франца фон Зиккингена), которые то собирали войска, когда им платили, то распускали их, когда деньги у нанимателя кончались. Постоянная армия оставалась сравнительно небольшой и состоящей преимущественно из швейцарцев, чей профессионализм не вызывал сомнений. [Грессинг (2005), с. 173–191; Гейссер (2015), с. 82–83; Пенской (2010), с. 53].

Коренная трансформация войска произошла лишь при внуке Максимилиана Карле V, объединившем испанскую корону с императорской. В частности, он сумел убедить Рейхстаг в необходимости сбора военного налога по причине усилившегося турецкого давления на имперские земли [Parrott (2012), p. 55].

Другим важнейшим источником финансирования армий, сражавшихся на территории Империи, стало привлечение во все большем объеме кастильских, нидерландских и неаполитанских ресурсов. В Испании налоги стали возрастать еще при Фердинанде и Изабелле в конце XV в. [Davies (1937), p. 78–79]. А когда корона перешла к Габсбургам, эта династия стала контролировать значительную часть Европы и получила возможность перекидывать средства из региона в регион. При этом, правда, Габсбургам, как и французским монархам, приходилось договариваться о деньгах с органами сословного представительства. Но, несмотря на данный ограничитель военных appetитов власти, налоговое бремя постоянно возрастало. За период с 1529–1533 гг. по 1549–1553 гг. субсидии, предоставленные парламентами, увеличились в реальном выражении на 42% в Нидерландах, на 49% в Кастилии и на 73,5% в Неаполитанском королевстве. В целом за этот период Нидерланды дали императору примерно 10,5 млн испанских дукатов, Кастилия — 9,3 млн, а Неаполь — 5,7 млн [Tracy (2002), p. 250]. Неудивительно, что армия с таким финансированием значительно окрепла.

Но деньги при этом как будто сыпались в бездонную яму. Стоимость содержания войска возрастала буквально с каждым десятилетием. Если Шмалькальденская война 1547–1548 гг. стоила Карлу примерно по 2 млн флоринов в год, то война против Франции в 1550-х гг. была уже в два раза дороже. А расходы 1590-х гг. оцениваются в среднем по 9 млн флоринов ежегодно. «Если сравнить стоимость содержания войск Его Величества со стоимостью тех, что сражались за Карла V, — писал чиновник эпохи Филиппа II, — то обнаружится, что в расчете на ту же численность требуется в три раза больше денег, чем раньше [Parker (1996), p. 61].

Чтобы свести концы с концами, Карл, как и Франциск, активно прибежал к займам. Причем кредитовался он сразу в четырех местах: в Аусбурге у Фуггеров и Вельзеров, в Генуе у семей Гримальди, Спинола, Джентиле и некоторых других, в Антверпене, где Фуггеры размещали ценные

бумаги, а также непосредственно у себя в Испании [Tracy (2002), p. 101]. Если в 1520–1532 гг. Карл одолжил 3–4 млн дукатов, то в 1552–1556 гг. — уже 9 млн [Parke (1996), p. 63]. При этом до тех пор, пока налогоплательщики раскошеливались, Карл не знал проблем с кредитом.

Правда, ко второй половине XVI в. отдельные регионы испанской державы явно перенапряглись в финансовом отношении. В Нидерландах тяжелое фискальное бремя спровоцировало революцию. В Неаполе столь радикальных политических последствий не обнаружилось, но доля военных расходов в бюджете королевства резко сократилась из-за необходимости обслуживания государственного долга. Максимальной милитаризации финансов удалось достигнуть в 1570-х гг., когда в Средиземноморье остро ощущалась турецкая угроза. Но к началу XVII в. Неаполь фактически перестал быть серьезной ресурсной опорой державы [Calabria (2002), p. 83–87]. В связи с постепенным исчерпанием внутренних источников оплаты военных расходов Испания стала строить военный бюджет на поступлениях благородных металлов из-за океана. Но это уже другая история.

Как воевать при пустом кармане?

Мы видим, что, поскольку возможности формирования наемного войска в полной мере определялись экономическими возможностями государства, европейские монархи оказались при выстраивании армейских структур как бы в разных весовых категориях. Тот, кто мог опираться на развитое городское хозяйство и послушные парламенты, получал заведомые преимущества. Тот же, кто сталкивался со строптивыми налогоплательщиками или управлял бедными аграрными территориями, становился в военном отношении «легковесом». Ему трудно было профинансировать привлечение наемников, оснащение их вооружением и создание необходимых фортификационных сооружений.

Возможно, даже в большей степени, чем от нехватки налоговых поступлений, «легковесы» страдали от отсутствия доступа к кредиту, на важность которого для ведения войны справедливо указывал американский социолог Чарльз Тилли [Тилли (2009), с. 133–134]. Бедные монархи теоретически, в принципе, могли собрать со своих территорий значительные суммы. Особенно в урожайные годы, когда положение дел в сельском хозяйстве было благоприятным. Но ведь для содержания наемного войска деньги нужны не теоретически, а практически, т.е. в данный момент и в данном месте.

Война идет не только в период благоприятной сельскохозяйственной конъюнктуры. Противника не попросишь подождать со вторжением до но-

вого урожая. Кроме того, война обычно за короткий период потребляет ресурсы, накапливаемые экономикой в течение длительного времени. Наемнику перед ответственной битвой не скажешь, что жалование, мол, будет выплачено в течение трех или пяти лет после победы, да и то при условии успешного сбора податей. Эффективные военные действия предполагают возможность быстрого аккумулирования финансовых ресурсов с помощью кредита в нужный момент времени, а затем уже постепенное «утрясение» вопроса о выплатах с кредитором в течение нескольких лет или даже десятилетий. С ним, в отличие от наемника, можно торговаться. Можно даже объявить дефолт и вообще не заплатить банкиру. Это, конечно, чревато неприятными последствиями, но, во всяком случае, к моментальному краху не приведет. А вот попытка не заплатить войску накануне сражения может обернуться полным крахом уже на следующий день.

Итак, без кредита большая война с использованием наемных армий полностью исключена. Однако заем можно получить только в условиях развитой городской культуры. Здесь даже бескрайние поля и обильные нивы не помогают. В аграрной экономике чрезвычайно трудно мобилизовать ресурсы, необходимые для кредита.

Из этого не следует, правда, что преимущества автоматически получают государи тех стран, в которых процветают торговля и ремесла. При определенных условиях монарх способен получить кредит за границей. Лишь бы кредитор имел основания считать, что у заемщика рано или поздно появятся средства для погашения займа. Английский монарх, как мы видели, одалживал деньги в XIV в. у флорентийцев, а испанский в XVI столетии — у аугсбуржцев и генуэзцев, причем последние даже аккумулировали средства на международном финансовом рынке. Механизм сей худо-бедно срабатывал, несмотря на большие проблемы, возникшие у некоторых кредиторов по причине «сиятельнейших дефолтов».

Но в любом случае богатые банкиры и расточительные государи должны, условно говоря, существовать в рамках одной культуры. Они должны знать друг друга, общаться между собой, «играть в военную экономику» по одним и тем же правилам. Они должны, наконец, находиться друг от друга на относительно умеренном расстоянии, преодолеваемом за недели или за месяцы, но не за годы, поскольку в последнем случае никакие дела вести невозможно.

Обратившись к состоянию дел Московского государства, мы видим, что оно находилось в чрезвычайно неблагоприятном для построения наемного войска положении. Долгое время татарские набеги и периферийность положения страны по отношению к европейским центрам развития

(«кострам процветания» — по выражению Броделя) тормозили развитие городов и накопление богатств [Травин (2010); Травин (2013а)]. Соответственно, налогооблагаемая база московских государей оказывалась довольно хлипкой. Наши абстрактные представления о богатстве Руси, о ее хлебах, лесах, мехах и мёдах, не слишком соответствуют реалиям того времени, когда требовалось обращать все это в звонкую монету, пригодную для найма эффективно функционирующего войска.

Что же касается международного кредита, то вряд ли в Москве вообще имели представление о такого рода финансовой деятельности. Европейский рынок капитала был для наших государей закрыт. Культурный разрыв Московского государства и Западной Европы был чрезвычайно велик не только по причине гигантских расстояний, но и потому, что носители «поганой латынской веры» вообще не удостаивались в православной Руси серьезного изучения.

Слабый коммерческий кредит русских купцов не мог служить серьезной основой для системы государственного займа, хотя Василий II брал займы у московских гостей и торговцев суконной сотни. Основным кредитором в Московии были не горожане, а монастыри, одалживавшие деньги даже князьям. Но в целом они, скорее, вытягивали ресурсы из казны, чем кредитовали ее. Московские государи (особенно Иван Грозный) поддерживали монастыри деньгами, усугубляя и без того нелегкое финансовое положение [Кулишер (2008), с. 525–529].

При этом в Московском государстве, как и на Западе, бесконечно сохранять старую военную систему было невозможно. Особенно после того, как пало татаро-монгольское иго и фронт новых войн был повернут в противоположную сторону. Туда, где находился сильный противник, реформировавший армию.

Русские земли, возможно, в наибольшей степени среди всех европейских земель смогли ощутить на себе проблему неэффективного функционирования феодальной военной системы. Особенно в ситуации, когда требовалось мобилизовать крупный контингент для борьбы с мощным агрессором.

В Киевской Руси, как и в соседних восточноевропейских странах — Польше, Чехии, Венгрии, государи могли содержать «Большие дружины» (до тысячи и даже больше человек) в той мере, в какой использовали их для грабительских походов и сбора дани. Однако с XII в. ситуация стала меняться. Отдельные князья уже не обладали такими возможностями по сбору дани, какие были у Владимира Святого или Ярослава Мудрого, и содержали дружины, насчитывавшие, по всей видимости, лишь десятки воинов [Стефанович (2011), с. 78–87].

Татаро-монгольское нашествие княжества Древней Руси встретили все по отдельности, не сумев противопоставить единой силе Батюга свою единую силу. Данная проблема зачастую трактуется у нас лишь с морально-этической точки зрения. Многие авторы, начиная с создателя трагического «Слова о полку Игореве» [Слово (1983)], обращают внимание на неумение князей жить дружно, на распад старинных братских отношений, на неспособность отбросить мелкие внутренние дрязги ради совместной борьбы с поистине опасным противником.

Однако при всей важности моральных аспектов следует отметить, что сопротивление нашествию трудно было оказать по совершенно объективным причинам. Феодалное войско неспособно к быстрой мобилизации. И даже если большая его часть находит возможность выступить против врага, велика вероятность того, что отдельные вассалы не сумеют вовремя оказаться в нужном месте. Скорее всего, даже в случае, если бы князья значительно лучше относились друг к другу, русские земли в целом постигла примерно та же участь.

У нас нет возможности осуществить эксперимент и выяснить, что было бы, если бы нашествие еще в XIII в. встретила единая хорошо организованная армия. Однако применительно к XIV столетию мы можем провести весьма показательное сравнение. Хороший пример того, как функционирует войско, построенное по феодалному принципу, какие проблемы оно способно решать, а какие не способно, дает нам история с князем Димитрием Донским, который за два года (1380–1382) прошел путь от великой победы до катастрофического поражения.

Формально великий князь имел полное право на поддержку удельных князей в случае войны. «Если старший сядет на коня, то и младшие обязаны также садиться на коней; если старший сам не сядет на коня, а пошлет в поход одних младших, то они должны идти без послушания. <...> Младший обязан посылать своих воевод с великокняжескими воеводами вместе, без послушания» [Соловьев (1988, кн. II), с. 467]. Коли смотреть лишь на эти формальные условия, то феодалное войско представляется вроде бы достаточно эффективным. Однако реальное функционирование системы у нас, как и на Западе, сильно отличалось от того, что было записано на бумаге. Причем происходило это как по объективным причинам (техническая невозможность быстро мобилизовать свои силы и привести их в нужное место), так и по субъективным (нежелание некоторых князей выполнять свои обязательства из-за разного рода обид).

Готовясь вести армию на Куликово поле для сражения с Мамаем, Димитрий Иванович не только собрал своих москвичей, но также, как отмечал С. Соловьев, «послал за полками и к князьям подручным — ростов-

ским, ярославским, белозерским; есть известие, что князь тверской прислал войско с племянником своим Иваном Всеволодовичем холмским» [Там же, с. 275]. В Коломне, где был армейский сборный пункт, появились полки коломенский, владимирский, костромской, переяславский. Сражаться с Мамаем явились даже два иноплеменных князя — Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. Позднее к войску присоединился Владимир Андреевич серпуховской [Там же, с. 276].

Хотя Дмитрия Ивановича не поддержал князь рязанский Олег, слишком боявшийся татар из-за пограничного положения своих земель, феодальное войско в целом удалось на славу. Оно было многочисленным и боеспособным, что в конечном счете обусловило успех на Куликовом поле. В современной войне подобная сокрушительная победа, наверное, стала бы основой других, последующих побед. Но в XIV в. все сложилось по-иному.

Феодальная армия не была постоянной. Князья разошлись с полками по своим уделам. Вновь быстро мобилизовать их оказалось невозможно. Когда в 1382 г. на Москву пошел хан Тохтамыш, Дмитрий Донской вынужден был бросить свой город и отправиться сперва в Переяславль, а затем в Кострому собирать полки. Тем временем Тохтамыш разорил Москву, а также ряд других городов и благополучно ушел восвояси. Дмитрий Иванович пришел из Костромы слишком поздно, чтобы ударить по врагу, а Владимир Андреевич со своим полком вступил в сражение лишь один раз, но также не смог воспрепятствовать неблагоприятному для москвичей ходу событий. Тверской же князь Михаил Александрович предпочел воспользоваться бедой Дмитрия Донского и отправился в Орду искать себе великого княжения [Там же, с. 279–281].

Таким образом, мы видим, что вести крупномасштабную войну без постоянно функционирующего войска, находящегося в непосредственном подчинении князя и способного к быстрому развертыванию, было практически невозможно. Даже большой успех в одном сражении мог быстро обернуться поражением в войне, причем вне зависимости от доблести великокняжеских полков.

Кроме того, самые сильные соперники великого князя играли в свою собственную игру: либо стремясь занять его место (тверской князь), либо опасаясь вступать в конфронтацию с татарами (рязанский). Отдельные бояре при этом могли прервать службу у своего князя и перейти к его конкуренту, если решали, что это выгоднее, или если чувствовали какую-нибудь обиду.

Наконец, следует заметить, что общая слабость великого князя московского усиливала для некоторой части князей соблазн вступить в договорные отношения с великим князем литовским, который мог представ-

латься более надежным господином, поскольку находился территориально на значительном удалении от Орды. Соответственно, тот, кто уходил служить Литве, уже не мог рассматриваться в качестве потенциальной силы московского войска. Но сама Литва от таких перебежчиков выигрывала лишь до поры до времени. «Князья Воротынские, Масальские, Трубецкие издавна служили на обе стороны» [Зимин (1982), с. 95]. А в конце XV в. начался массовый переход князей к Ивану III, позиции которого тогда решительно укреплялись.

Интересно, что князья легко находили объяснение своему «отъезду» на Москву, несмотря на понятное недовольство литовского господаря, удивлявшегося их неверности. Одоевские, Воротынские и Белевские не считали «отъезд» изменой, если вдруг другая сторона нарушала свои договорные обязательства. А Семен Бельский прямо говорил великому князю литовскому Александру, что конкретно его не устраивает: «хочеш твоя милость наш закон греческий зломати, а хочеш... силно привести в римский закон» [Кром (2010), с. 94, 108].

Великие князья много раз сталкивались с проблемами неэффективной феодальной мобилизации. Один из самых трагических случаев имел место в 1445 г. Внук Димитрия Донского Василий Васильевич оказался под Суздаlem против татарского войска всего лишь с полутора тысячами бойцов, поскольку одни князья подойти не успели, а другие, по-видимому, не захотели. Великий князь был тяжело ранен и взят в плен. Освободиться ему удалось только с помощью огромного выкупа [Соловьев (1988, кн. II), с. 393–394; Зимин (1991), с. 104–107].

Проблемы, связанные с феодальной организацией войска, ощущались и через сто лет после Куликовской битвы во времена Ивана III. В 1480 г. государю понадобилось собрать крупное войско для защиты своих рубежей от вторжения хана Ахмада. Формально вроде бы ему ничего не мешало. «Удельные родичи, — пишет по данному поводу историк Александр Зимин, — были связаны с Иваном III серией договорных грамот. Они признавали его старейшинство, обязывались придерживаться его внешнеполитической ориентации и участвовать в военных акциях против его врагов. Все это так. Но договоры оставались только договорами и могли быть в любое время нарушены» [Зимин (1982), с. 56].

И вот младшие братья Ивана — Андрей Большой и Борис Волоцкий, обделенные ранее при разделе выморочных земель, обусловили свое участие в войне определенными требованиями, которые перепуганный государь вынужден был удовлетворить: «Если исправиться к нам, притеснять нас больше не будешь, а станешь держать нас как братьев, то мы придем к тебе на помощь». Действия братьев нельзя трактовать как предательство.

Современная терминология здесь неприемлема. Ведь «хорошее отношение» к государю со стороны младших по нормам того времени жестко обусловлено его «хорошим отношением» к ним. Получалось, что Иван сам виноват в возникших проблемах. Собирая земли и укрепляя государство, он нарушал традиции, тем самым ослабляя армию, а вместе с ней государство. Нельзя было выйти из этого запутанного положения без коренной трансформации всей системы вооруженных сил. По сути, успех Москвы в противостоянии с Ахмадом висел на волоске, поскольку «разборки» пришлось на тот момент, когда враг уже стоял у ворот. В итоге, правда, все собрались на Угре, что помешало наступлению Ахмада и фактически обусловило перелом в противостоянии русских с татарами. Но за этот успех Ивану пришлось расплатиться землями со своими братьями [Соловьев (1989, кн. III), с. 50].

Через 11 лет вновь возникли проблемы. Когда Иван узнал, что татары идут с востока на его союзника крымского хана Менгли-Гирея, он выслал полки к нему на помощь, а также велел это сделать младшим братьям. Борис подчинился, а Андрей нет. Однако к тому времени Иван был уже достаточно силен, чтобы расправиться со строптивцем. Тот был арестован вместе со своими сыновьями, как только для этого выдался подходящий момент. Расправа была жестокой. Даже через два года, когда Андрей умер в темнице «в железзах», его дети так и не получили свободы [Соловьев (1989, кн. III), с. 52; Скрынников (2006), с. 61–62].

Впрочем, расправляться с не пришедшими вовремя на поле боя младшими братьями — это значит махать кулаками после битвы. Московские государи должны были изменить систему формирования войска в принципе, чтобы отдельные военачальники не имели выбора, являться или не являться по призыву царя. Требовалась централизованная армия, где подчиненные лишь исполняют приказы начальства. Но для такой армии нужны были соответствующие ресурсы. Являться по призыву мог лишь тот, кому за это платят, — тот, кто имел средства прокормить самого себя и своего боевого холопа, а также обеспечить коня, наряду с соответствующим статусу вооружением.

Сигизмунд Герберштейн писал, что в XVI в. в Московии воин имел с собой просо, соленую свинину, соль, топор, огниво, котелок. Если не имелось иной еды, он сам варил себе кашу [Герберштейн (2007), с. 178]. Но откуда брать свинину и просо, а также все остальное, необходимое для жизни? Как существовать воину в промежутках между походами? Единственный ресурс, которым государи со времен Ивана III обладали в достаточном объеме, была земля. Не деньги, а земля! Вследствие этого основой войска в Московии стали не наемники, а помещики.

Раздача участков практиковалась и раньше — по крайней мере со времен Ивана Калиты, отметившего в своем завещании (1340 г.) случай наделения земель за службу [Борисов (2005), с. 183]. Но с момента вступления на престол Ивана III до 30-х гг. XVI в. территория государства выросла более чем в шесть раз [Зимин (1982), с. 30]. Соответственно, выросли и государственные возможности раздачи земельных участков. «Дворяне наравне с детьми боярскими получали от великого князя во временное владение поместья, — отмечает исследователь русской армии Владимир Волков, — а в военное время выступали с ним или его воеводами в походы, являясь его ближайшими военными слугами. Стремясь сохранить кадры дворянского ополчения, правительство ограничивало их уход со службы [Волков (2011), с. 393]. При этом кроме великокняжеских слуг в армию принимались послужильцы из распущенных по разным причинам московских боярских дворов.

Историк Юрий Алексеев проследил, как на протяжении длительного правления Ивана III постепенно увеличивалось значение поместной военной службы в сравнении с феодальной армией и с земскими ополчениями.

В походах 1460-х гг. участвовали разные силы. На Черемису и Пермь в 1462 г. отправились в основном ополченцы северных русских городов, хотя, возможно, их поддерживали служилые люди. В 1463 г. на псковско-литовском рубеже сражались местные бояре и простые псковичи, в том числе так называемые «охвочие люди» — городская беднота, добровольно собравшаяся на войну, чтобы вволю пограбить противника. В 1467 г. на Казань отправился служивший Москве татарский царевич Касим, но успеха не достиг. Поэтому уже в 1468 г. против Казани собралось большое войско, где доминировали сам великий князь со служилыми людьми и его братья со своими воеводами, но, кроме того, участвовали служилое ополчение из Галича и земское из Вологды и Великого Устюга. Еще через год для очередного похода на Казань осуществлена была уже «мобилизация» всего служилого ополчения Великого княжества Московского. Но его поддерживало и земское ополчение москвичей [Алексеев (2009), с. 17, 24, 28, 37, 48, 55, 65–66, 94].

Следующее десятилетие характеризовалось радикальным переломом в структуре московского войска. В походах на Новгород (1471 и 1477 гг.) уже доминировало конное служилое ополчение. Земское же при этом существенной роли не играло, за исключением псковичей. По оценке Алексеева, именно это обусловило успех Москвы, поскольку новгородское войско строилось по старинке. «Можно сказать, что кампания 1471 г. на главном направлении — это соревнование двух военных систем: старой общинно-вечевой и новой княжеско-служилой, с решающим преимуществом второй» [Там же, с. 134, 206].

Победа, одержанная над Новгородом, с одной стороны, показала плюсы нового типа армии, а с другой — предоставила возможности для расширения поместного землевладения и, соответственно, для увеличения размеров войска. В результате, по мнению Алексеева, была проведена целая военная реформа. В Новгороде ликвидировали городское ополчение. Земли раздали помещикам. Кроме того, тверская служилая система была включена в великокняжескую и, по всей вероятности, то же самое сделали на Белозере и в Вологде [Там же, с. 304]. Иными словами армия расширилась как за счет новых помещиков, наделенных землей, так и за счет удельно-княжеских служилых людей.

Судебник 1497 г. создал юридическую базу для формирования системы наделения землей за службу [Черепнин (1960), с. 205]. В результате армия стала преимущественно поместной. При всех недостатках, о которых еще пойдет речь дальше, такого рода система построения вооруженных сил оказалась значительно более эффективной, чем старая феодальная система. Она обеспечила быстрое увеличение численности войска и сравнительно успешные боевые действия при столкновении с относительно слабым противником, не перестроившим военную систему в соответствии с западноевропейскими стандартами: Казанским и Астраханским ханствами, Ливонским орденом.

С той территории, которой раньше владел один крупный вотчинник, теперь могло кормиться много людей, что крайне важно для построения армии. Причем совсем не потому, как полагают порой, что старая безусловная собственность заменялась теперь на условную. Поместная система не была механизмом разрушения частной собственности, поскольку таковой в современном понимании слова тогда вообще не существовало. Служить государю обязан был и вотчинник, и помещик. Отличие вотчины от поместья состояло лишь в том, что последнее нельзя было продать или отдать в монастырь [Кобрин (1985), с. 101].

Для построения большой армии государству важно было не изменить право владения землей, а усреднить размеры наделов. «При вотчинной системе, — отмечал историк Владимир Кобрин, — все время шел процесс “расслоения” вотчинников: богатые все богатели, а бедные беднели. Шла поляризация размеров земельной собственности. Но этот процесс не мог не сказаться отрицательно на боеспособности войска: у мельчайших вотчинников зачастую не хватало средств, чтобы самим выйти на службу, зато крупные, “ленивые богатины”, как с ненавистью называл их публицист XVI в. Иван Пересветов, даже при точном выполнении своих обязанностей выводили в поле лишь военных холопов, а не самостоятельных воинов. В интересах службы было усреднение размеров земельной собствен-

ности. Именно этого результата достигли при массовом испомещении» [Там же, с. 133].

Тем не менее при Иване Грозном приняли меры и для того, чтобы «ленивые богатины» по возможности исправно выполняли свои обязанности. Была законодательно установлена связь размера сохранившихся крупных земельных участков и численности призываемых в армию бойцов. По Уложению о службе 1555–1556 гг. каждый служилый человек (вотчинник или помещик) должен был помимо собственного участия в войне выставлять вооруженных людей пропорционально размеру земли, которой обладал [Зимин (1960), с. 438].

В плане построения поместного войска перераспределение земель было делом более-менее эффективным. Уничтожение новгородской республики и депортации не могут считаться простым самодурством или усилением режима личной власти Ивана III, как представляется при взгляде на проблему из нашего времени. Для решения своих краткосрочных задач государь действовал вполне рационально. Другое дело, что в долгосрочном плане использовать экономически эффективный, торгово-ремесленный Новгород в качестве простого источника земель для помещиков было все равно что резать курицу, несущую золотые яйца. Однако трудно представить себе, что у людей XV–XVI столетий могло сформироваться понимание ценности этих «золотых яиц». Они действовали исходя из задач своего времени и тем самым двигали страну по пути, который может вызвать лишь сожаление у аналитиков XXI в.

Само по себе «переселение народов» не являлось варварской московской спецификой, как принято порой думать. Жестокость Ивана III была в полной мере отражением жестокости, проявленной немного раньше французским королем Людовиком XI в ходе подчинения Бургундии. Впервые идея изгнания «смутьянов» возникла у него на юге страны при штурме Перпиньяна в 1475 г. Однако тогда дело ограничилось лишь выселением знати и главных «изменников». Но уже в 1477–1478 гг. после бургундских бунтов была разработана комплексная программа переселения, в ходе которой Дижон вынуждены были покинуть даже мелкие ремесленники, причем имущество их подвергалось конфискации.

А самой масштабной кампанией стала депортация бюргеров Арраса, где со своих мест оказалось изгнано 12 тысяч человек. Им назначили места для проживания в Париже, Амьене, Туре, Компьене и других городах. Одновременно по целому ряду населенных пунктов Франции была спущена разнарядка на принудительное выделение семей для заселения опустевшего Арраса. Никаких особых благ эти люди не получали — лишь чрезвычайно скромные подъемные. Король ведь не задумывал никаких глобальных

реформ, он просто хотел таким образом решить проблему «бунтовских гнезд». Ради этого монарх даже решил стереть с карты само название города, переименовав его во Франшиз. Но свежееиспеченные бюргеры Франшиза были не рады тому, как ими попользовались в интересах государства. Поэтому сразу же после смерти Людовика его преемник отпустил несчастных переселенцев на все четыре стороны [Эрс (2007), с. 293–301].

В Новгороде депортации начались в 1483 г. и шли до 1488 г. Всего переселили порядка восьми тысяч человек [Зимин (1982), с. 78–79], что, похоже, не достигает тех масштабов, которые были у Людовика XI в Аррасе.

По-настоящему же масштабные репрессии в отношении целого народа имели место на Пиренейском полуострове примерно через столетие после новгородских событий. В 1571 г. из бунтующей Гранады в Кастилию переселили морисков (арабов, принявших христианство). Их было, по разным оценкам, от 50 до 80 тысяч. На освободившихся землях основали 400 деревень, куда направили крестьян из Астурии, Галисии, Бургоса и Леона [Бродель (2003), с. 353; Бродель (2004), с. 210, 213]. Зрелище изгнания было столь печальным даже по тем жестоким временам, что сводный брат короля дон Хуан Австрийский писал: «Они пустились в путь в страшный дождь, снег и ветер; матери, случалось, оставляли своих детей на обочине дорог... Никто не станет отрицать, что нет ничего ужаснее, чем смотреть, как людей изгоняют из их страны» [Кеймен (2007), с. 261].

Так что характеризовать новгородскую историю в качестве уникального случая варварской жестокости мы никак не можем. Однако в чем московская история качественно отличалась от французской, так это в том, что Иван III использовал освобожденные земли для формирования поместной системы. У Людовика XI подобной задачи не было, поскольку его армия строилась на совершенно ином принципе. Различие двух описанных историй определялось спецификой исторического пути Московии, а вовсе не особой восточной жестокостью.

Чем быстрее росло московское войско, тем больше требовалось поместий для содержания воинов. Помимо новгородских земель использовались дворцовые тверские. Важнейшим источником наделов постепенно становились западные русские территории, которые Москва захватывала в ходе войны с Литвой. Оттуда тоже отселялись местные землевладельцы [Кобрин (1985), с. 101].

Однако не одними только репрессиями пополнялся земельный фонд государства. Использовались и более тонкие инструменты. Например, в 1551 г. появился указ, запрещающий продавать вотчины в чужой род, а в 1552 г. — указ, затрудняющий продажу земель за пределами узкого круга близких родственников. Все это приводило к увеличению числа вымороч-

ных вотчин, переходивших в казну [Там же, с. 84]. Все средства были хороши для того, чтобы увеличить объем ресурсов, служивших основой формирования армии.

Немаловажную роль для формирования помещичьего войска играли и плодородные южные земли, которые долгое время вообще находились в запустении по причине бесконечных татарских набегов. По мере того, как на рубежах страны появлялись города-крепости и формировалась засечная линия, препятствующая продвижению конницы, эти земли вовлекались в оборот и становились источником прокорма многочисленных помещиков.

Словом, для выстраивания крупного поместного войска в Московии имелись достаточные условия. По различным оценкам, его численность в XVI в. составляла вместе с боевыми холопами от 50 [Волков (2011), с. 409] до 60–75 тысяч [Пенской (2008), с. 8] или даже до 80–120 тысяч человек [Кром (2002), с. 79]. Такая армия была одной из самых многочисленных в Европе. Однако на практике оплата службы с помощью земельных раздач имела существенные недостатки.

Главной бедой русского поместного войска стало «нетство» (неявка на службу) дворян и детей боярских, а также бегство их из полков. «Во время затяжных войн владелец поместья, вынужденный бросать хозяйство по первому же приказу властей, поднимался на службу, как правило, без большой охоты, а при первом же удобном случае старался уклониться от выполнения своего долга» [Волков (2011), с. 397]. Причем чем дольше тянулась война и чем сложнее для государства она становилась, тем больше была вероятность неисправной службы. Ведь именно в этой ситуации брошенное хозяйство приходило в особое запустение. В частности, Ливонская война обернулась массовым «нетством» помещиков, и это, помимо всего прочего, обусловило ее столь печальный итог для Московии.

Конечно, правительство предпринимало меры для розыска и наказания виновных. Оно могло отнять землю у одного помещика и передать ее другому. Применять дисциплинарные меры в отношении помещиков было легче, чем в отношении удельных князей, обладавших собственной воинской силой. И в этом смысле поместная армия была эффективнее феодальной. Однако для всеобъемлющего учета и контроля всегда требуется мощный бюрократический аппарат. Его в XV–XVI столетиях быть на Руси не могло. Да и на Западе его не имелось. Поэтому технически гораздо проще было выдавать наемнику деньги за уже сделанную работу, чем платить землей помещику авансом (до того, как он отправится на поле боя), а потом отнимать выплаченное в случае плохого выполнения обязанностей. В этом смысле наемничество оказывалось значительно эффективнее.

Кроме того, при неявке на службу по уважительным причинам (например, потому, что убогий надел не мог прокормить помещика) требовалось не наказывать виновного, а, наоборот, улучшать его содержание. Но отличить объективные причины невыполнения государственных заданий от субъективных не мог даже бюрократический аппарат планового хозяйства XX в. Слишком сильно влияли на решение вопроса отсутствие достаточной информации, коррупция проверяющих и т.д. Понятно, что в XV–XVI столетиях разрешить проблему «нетства» тем более было невозможно. В наемных же войсках на Западе каждый солдат сам стремился явиться на службу, поскольку в противном случае не получал платы. По сути, мы здесь видим соотношение двух механизмов функционирования «военного производства» — рыночного и бюрократического. Понятно, что рыночный механизм работал эффективнее.

Если государство не могло проконтролировать самих помещиков, то тем более не могло отследить выставление боевых холопов. Поэтому их число постепенно сокращалось, и к XVII веку порой на девять дворян, готовых к сражениям, имелся лишь один слуга [Смирнов (2006), с. 376–377].

Чрезвычайно серьезной проблемой экономики поместного войска становилась справедливость наделения землей. При оплате наемников деньги имеют одинаковую ценность для каждого. При вознаграждении же помещиков выходит по-иному. Земельные участки одного и того же размера различны по плодородию и местоположению. Одни дают большой урожай и скрыты от набегов, тогда как другие приносят мало плодов и расположены там, где проходят татары.

Еще одна проблема — неравномерность поступления земель в «государственный фонд». «Первоначально размеры “дач” были значительными, — отмечает Волков, — но с увеличением численности служилых людей “по отечеству” они стали заметно сокращаться. В конце XVI в. получали распространение случаи, когда помещик владел землей в несколько раз меньше своего оклада» [Волков (2011), с. 400]. Такой бедолага получал послабление по службе. Он использовался, как правило, не для дальних походов, а для сидения в гарнизонах. Совсем обедневший помещик мог быть полностью списан.

Мы видели, что нехватка ресурсов серьезно затрудняла и оплату услуг наемников, однако в этом случае у западных монархов имелась возможность финансового маневра — послать деньги туда, где в данный момент важнее всего осуществить выплаты. Иначе говоря, механизм финансирования наемной армии с помощью денег создавал возможность стимулирования именно тех солдат, от которых в данный момент зависел военный

успех. А механизм содержания поместной армии никак не корреспондировал с ситуацией на фронтах.

Трудности при поместной системе возникали и с израненными в боях ветеранами. Если дети их были слишком малы для несения службы, то старикам приходилось долго тянуть лямку за земельный надел. Известен был один страдалец, которого освободили от службы, только выяснив, что у него рука перебита, ухо отсечено, щека продырявлена и зубы выбиты. Да и то ему пришлось выставлять на войну даточного человека до совершеннолетия сыновей [Там же, с. 407].

Возникает резонный вопрос: почему при таких серьезных недостатках поместного войска Москва не взяла на вооружение идею наемничества? Почему, отходя от неэффективной феодальной системы, наша страна пошла иным путем, чем государства западные? Является ли такой подход своеобразной культурной спецификой?

Думается, дело здесь не в культуре, а в особенностях исторического пути. Пройденный разными странами — например, Италией или Францией — путь создавал для них иные возможности, чем для Московии. Формируя поместное войско, наши государи поступали рационально, поскольку использовали те ресурсы, которые у них были. Ведь даже самая лучшая идея, не подкрепленная ресурсами, немногого стоит.

Одним из первых на это обратил внимание великий российский историк Сергей Соловьев: «по недостатку денег при неразвитости страны земля была почти исключительно видом всякого рода дач: государство платило жалование своим служилым людям землею» [Соловьев (1991, кн. VII), с. 41]. Василий Ключевский писал о том же: «Землю, недвижимость, заставляли исполнять роль денег, заменять денежное жалование за службу [Ключевский (1988, т. 2), с. 221].

В таком же духе высказываются и ученые XX столетия. «Товарное хозяйство в XV–XVI вв. было еще слабым, денег было мало, — отмечал Кобрин. — Поэтому обеспечить воинов денежным жалованием было просто невозможно. Единственным способом вознаграждения за службу была раздача земель с крестьянами» [Кобрин (1985), с. 101]. А вот мнение Ч. Тилли, цитирующего в данном случае историка Джерома Блюма: Ивану III и его преемникам «нужна была армия, как можно более зависимая от них, на чью лояльность, следовательно, они могли бы положиться. Но у них не доставало денег, чтобы купить людей и их преданность. Тогда они решили воспользоваться землей» [Тилли (2009), с. 206].

Формирование новой армии рассматривает в качестве причины развятия поместной системы и историк Сергей Нефедов. Более того, он полагает, что Москва заимствовала в этом деле уже имевшийся опыт Осман-

ской империи, являвшейся сильнейшей военной державой тогдашнего мира. «Русское поместье является копией турецкого тимара» [Нефедов (2010), с. 213].

И впрямь сходство поместья с тимаром бросается в глаза, если посмотреть, как описывают его специалисты по Османской империи [Кинрос (1999), с. 167–168; Петросян (1990), с. 91]. Есть, правда, историки, которые, в отличие от Нефедова, полагают, что тимар был больше похож на кормление (включал базары, города) и тимариоты выступали как низшее звено государственной администрации, собирая налоги и выполняя функции полиции. Но в целом и эти исследователи видят в отмеченных выше способах построения армии явное сходство между московской и османской моделями [Пенской (2010), с. 210, 214, 295; Свак (2010), с. 26–27].

Своеобразным посредником в заимствовании турецких институтов была, по мнению Нефедова, Молдавия, где конфискация земель боярства и раздача их воинам-витязям прошла в 1470-х гг. «Дело в том, что Россия и Молдавия были близкими союзниками; символом этого союза был брак наследника престола Ивана Молодого и молдавской княжны Елены, заключенный в 1483 г. Можно предположить, что идею введения поместной системы подсказал Ивану III один из послов, побывавших в Молдавии. Среди этих послов обращает на себя внимание дьяк Федор Курицын. <...> В 1485 г. Курицын вернулся в Москву, а зимой 1487/88 г. неожиданно последовал вывод населения из Новгорода, и началась поместная реформа. Конечно, идея реформы могла принадлежать разным людям. Федор Курицын принадлежал к “молодому двору”, придворной группировке, сложившейся вокруг наследника, Ивана Молодого и его жены Елены Волошанки. В эту группировку входили также князья Семен Ряполовский, Иван и Василий Патрикеевы и многие вельможи меньшего ранга. Все эти люди могли узнать об османских порядках непосредственно от княжны Елены — фактом является лишь то, что именно “молодой двор” оказывал на политику Ивана III решающее влияние» [Нефедов (2010), с. 213–215].

Концепция Нефедова — Пенского выглядит весьма логичной, хотя и не является все же стопроцентно обоснованной. Но вне зависимости от того, заимствовала ли Москва опыт создания поместной системы за рубежом или породила его сама, именно связь военных нужд государства с формированием системы армейской службы за землю лучше всего, на наш взгляд, объясняет те колоссальные метаморфозы, которые происходили на Руси в указанную эпоху.

Медленное развитие городов на востоке Европы обусловило медленное развитие торговли и банковской деятельности. Соответственно, у восточного государства не имелось тех ресурсов, которые могли мобилизо-

вать правители на западе. А на вызовы времени отвечать все равно требовалось. Надо было увеличивать размер армии, оснащать ее дорогостоящей артиллерией, развивать инженерное дело, строить фортификационные сооружения. Московия попала в своеобразную «вилку». Требовалось повышать расходы в соответствии с направлением, заданным западными тенденциями развития военного дела. Но при этом доходов, обусловленных западными тенденциями развития экономики, не имелось. Армия тимариотов, поместная армия, шляхетское ополчение в Польше и Литве оказались поначалу естественными (хотя, как вскоре выяснилось, не слишком эффективными) ответами на вызовы времени.

Лишь Венгрии из всех восточноевропейских стран со слабой торговлей и доминированием аграрного хозяйства удалось создать крупный контингент, состоящий из наемников. Причем случилось это при короле Матгьяше Хуньяди во второй половине XV в., т.е. именно тогда, когда военные реформы начались в западноевропейских странах. Такие достижения, по всей вероятности, стали возможны лишь потому, что Венгрия до открытия Америки являлась крупнейшим в Европе производителем золота и серебра, а следовательно, имела источники доходов, не зависящие от городской экономики [Контлер (2002), с. 112, 153–154].

Московия таких альтернативных доходов не имела, а потому ее многочисленные попытки перевести хотя бы часть войска на западные принципы формирования всегда упирались в отсутствие денег. Даже тогда, когда была осознана необходимость трансформации институтов, связанных с армией, осуществить реформу было чрезвычайно трудно.

Трудность выбора прогрессивных институтов

В 1517 г. Тевтонский орден для ведения войны с Польшей попросил у своего союзника великого князя Василия Ивановича денежной помощи на формирование армии в 10 тысяч пехотинцев и 2 тысячи всадников, сопровождаемых артиллерией. Василий реально раскошелился лишь на 1 тысячу пехотинцев, а позднее добавил еще на 1 тысячу [Соловьев (1989, кн. III), с. 244, 252–253].

Примерно в то же время Московия и сама стала формировать отряды, содержавшиеся за счет денежных выплат. Известно, например, об одной тысяче пищальников, которые прибыли с великим князем в Псков в 1510 г. Но в дальнейшем развитие этого рода войск осуществлялось в основном за счет богатых городов (особенно Новгорода), поскольку только там можно было взять деньги. Недостаток средств обусловил то, что постоянными наемными войсками пищальники так и не стали [Волков (2011), с. 411–413].

В 1550 г. на смену пищальникам пришли стрельцы. Для их содержания с населения собирали специальные «стрелецкие деньги». Вследствие этого налоговое бремя сильно возросло, тем более что одновременно приходилось осуществлять широкомасштабные фортификационные работы на южных рубежах страны, где сохранялась угроза татарских набегов из Крыма. По всей видимости, рост тягла привел даже к серьезному экономическому кризису, к запустению земель, к стремлению крестьян сократить размер тяглого надела ради минимизации налоговых выплат [Шапиро (1987), с. 104–106; История крестьянства в Европе (1986), с. 432, 443–444; Волков (2011), с. 215–216].

Но тяжкое бремя, возложенное на экономику, мало помогло трансформации армии. Три тысячи человек, получающих жалование по 4 рубля в год, составили постоянный московский гарнизон. Хлеб выдавался стрельцам из казны (очевидно, при общей слабости денежного хозяйства проще было выдавать зарплату зерном, чем рублями). Однако и эти войска мало походили на западных наемников. Средств на жизнь не хватало. Стрелец должен был построить свой дом, завести хозяйство, разбить сад, огород. Только так получалось сводить концы с концами. [Волков (2011), с. 414–416, 420]. По другим оценкам, стрельцы получали «зарплату» от семи рублей в Москве до полтины на окраинах, причем постоянное жалование имели лишь в военный период, тогда как в мирное время им давали деньги лишь раз в три года [Скрынников (1985), с. 127].

Стрелецкая служба (вместе с домом и огородом) становилась наследственной. В Московии не формировалось рынка профессиональных военных, на котором можно было бы, как в западных странах, отбирать при наличии достаточного объема денег лучше обученные и наиболее боеспособные отряды.

Если русских помещиков можно было сравнить с османскими тимариотами, то стрельцов уже при жизни Ивана Грозного иностранные наблюдатели сравнивали с янычарами [Нефедов (2010), с. 246]. Во всяком случае, на эту турецкую гвардию они смахивали больше, чем на терции или ордонансные роты.

Еще одним квазинаемным отрядом московской армии постепенно становились казаки. Формировались они, понятно, сами по себе, поскольку представляли собой в основном потомков крестьян, бежавших на свободные земли. Однако Москва быстро поняла, что благожелательно настроенные казаки могут использоваться в военных целях, тогда как неблагоприятно настроенные представляют собой страшную разрушительную силу типа французских бригад времен Столетней войны. Поэтому сразу же после окончания Смутного времени (в 1613 г.) казакам стали посылать ре-

гулярное жалование, которое не освобождало их от необходимости иметь иные доходы [Волков (2011), с. 448]. В итоге казаки, как и стрельцы, сочетали боевую подготовку с мирным трудом.

Деньги использовались властями и для того, чтобы стимулировать увеличение размера поместного войска. За каждого выставленного воина его господину платилась небольшая сумма, а «за выступление на службу с лишними (против положенного) вооруженными воинами дворяне получали дополнительную компенсацию, “избыточным” людям платилось денежное жалование “в полтретья”, т.е. в два с половиной раза больше обычного» [Зимин (1960), с. 438–439]. При этом за недоданных бойцов брали штраф в двойном размере.

Таким образом, вооруженные силы Московии выглядели следующим образом. Во-первых, служилые люди «по отечеству» — дворяне, дети боярские, иноземцы (чаще — литовцы, реже — «немцы» и греки), татары. Во-вторых, служилые люди «по прибору» — казаки, стрельцы, «пушкарский чин». В-третьих, собиравшиеся на время войны «даточные» — «пошошная рать» (для обоза, инженерных и осадных работ), слуги [Курбатов (2014), с. 28, 31, 33].

К концу XVI — началу XVII столетий в Московии имелось 10–20 тысяч стрельцов и порядка 5–6 тысяч донских казаков [Волков (2011), с. 418, 447]. Скорее всего, они в совокупности составляли не больше половины поместной армии. Понятно, что более высокое денежное содержание стрельцов, способное превратить их в настоящих наемников, автоматически сократило бы из-за финансовых проблем страны общую (и без того невысокую) численность данного контингента.

Похожим образом развивалось дело в Литве. Там еще при правлении Витовта (1392–1430 гг.) осуществлялась массовая раздача дворянству земель, населенных крестьянами [Эйдintas и др. (2013), с. 48]. Затем привилеем Сигизмунда I (1434 г.) помещикам передали право взимать важнейшую часть ренты — дякло [Гудавичюс (2005), с. 352]. Таким образом, возникли условия для того, чтобы с XV в. армейская система стала чисто служилой: каждое имение выставляло некоторое число ратников в соответствии с укоренившимся издавна обычаем или исходя из условий, на которых помещику предоставлялась земля [Любавский (2004), с. 212].

Виленский сейм 1507 г. постановил жестко карать тех, кто вовремя не явился на военную службу. За опоздание в назначенное для сбора место платился штраф. Тот, кто вообще не приходил выполнять долг перед великим князем, карался смертью. Вдова, не выставлявшая слуг для воинской службы, смертью не каралась, но изгонялась из своего имения [Соловьев (1989, кн. III), с. 303].

Похожим образом обстояло дело и в Польше. В самом начале XVI в. (т.е. за 50 лет до аналогичных мер, предпринятых в Московии Иваном Грозным) государство, чтобы укрепить армию, установило нормы службы, более четкие и ясные, чем предполагала традиция. Но, несмотря на это, система шляхетского ополчения вскоре вообще перестала нормально функционировать, уступив место западной практике построения армии [Пенской (2010), с. 128].

Первые наемные роты в Польше появились в 1470-е гг. (в Литве — под конец XV в.), т.е. вскоре после того, как они показали свою эффективность на Западе. Однако развитие данного рода войск задерживалось из-за отсутствия денег (а в Литве еще и из-за отсутствия профессионалов, которых можно было бы нанять). В основном сейм с помощью специальных налогов финансировал лишь пограничную стражу, охранявшую Польшу с юга от набегов крымских татар, но блокировал попытки осуществления военной реформы (в том числе замену шляхетского ополчения специальным налогом, взимаемым со шляхты). В итоге для ведения крупномасштабных войн король брал займы то у аристократии, отдавая в залог свои земли, то у городов (в частности, у Данцига), наделяя их привилегиями. Основой войска формально оставалось шляхетское ополчение, хотя оно показало свою абсолютную неэффективность еще в 1497 г. во время похода на Молдову. После 1537 г. ополчение функционировало только на бумаге [Гудавичюс (2005), с. 425; Дыбковская и др. (1995), с. 74–76, 90; Пенской (2010), с. 132–150].

В 1514 г. под Оршей польско-литовское войско победило русских воевод в значительной степени благодаря наемникам-аркебузирам [Пенской (2010), с. 141]. В 1517 г. Литва раскошелилась на своеобразный «наем» и проплатила золотом набег крымских татар, дошедших до Тулы. А в 1535 г. во время войны с Московией поляки отправили в помощь литовцам семитысячное наемное войско, причем пять тысяч жолнеров было оплачено литовскими деньгами, а две тысячи — польскими [Волков (2011), с. 143, 153]. Но без стабильного финансирования наемные части находились постоянно на грани самораспада и занимались разбоем, так же как и их западные коллеги в аналогичных случаях.

Чтобы изменить подход к делу, король Сигизмунд в 1538 г. обратился к литовской Раде с такими словами: «Не думаю, чтоб жители Великого княжества Литовского могли одни оборонить свою землю, без помощи наемного войска. Вам, Раде нашей, известно, что первую войну мы начали скоро без приготовлений, и хотя земские поборы давались, но так как заранее казна не была снабжена деньгами, то к чему, наконец, привела эта война? Когда денег не стало, мы принуждены были мириться. <...> Так

что, имея в виду войну с Москвой, объявляем вашей милости волю нашу, чтоб в остающиеся три года перемирных на каждый год был установлен побор» [Соловьев (1989, кн. III), с. 426–427].

Качественный перелом пришелся на время правления трансильванского князя Стефана Батория, избранного королем Речи Посполитой в 1575 г. Он в молодости находился на профессиональной службе в Венгрии, а потому имел представление о том, что такое война нового времени. Соловьев констатировал: «Как полководец Баторий в Восточной Европе произвел тот переворот в способе ведения войны, который уже давно произведен был на Западе» [Там же, с. 629].

Новый король провел серьезные военные реформы, сформировав «пехоту выбранецкую» (что-то вроде московских стрельцов), но сделав основной упор на использовании наемного контингента. Осуществив крупный заем у немецких князей — герцога прусского, курфюрстов саксонского и бранденбургского, он к началу 1580-х гг. сформировал армию, в которой из 47 тысяч человек больше половины (27 тысяч) представляли собой профессионалы из европейских стран, преимущественно немцы и венгры. Характерно, что, когда на сейме еще обсуждался вопрос об избрании польского короля, конкурент Батория эрцгерцог Фердинанд — брат императора — тоже упирал на свою способность мобилизовать крупные финансовые ресурсы и привести сильные полки немецкой пехоты [Соловьев (1989, кн. III), с. 611, 637; Пенской (2010), с. 161; Волков (2011), с. 260–261, 270, 279]. Словом, вопрос о деньгах был фактически ключевым для государства.

Решение данного вопроса позволило нанести войскам Ивана Грозного столь серьезное поражение, что Москва фактически потеряла достижения предыдущего этапа Ливонской войны, когда ей приходилось сражаться с феодальным Орденом и с литовской шляхетской армией. Характерно, однако, что после кончины своей Стефан оставил долги ратным людям [Соловьев (1989, кн. IV), с. 209–211].

Король Владислав IV продолжил реформу Батория, усилив национальный элемент в наемной армии. Хотя пехота оставалась по-прежнему в основном немецкой, конница стала польской. Под Смоленском (1633 г.) Владиславу удалось собрать 23 700 человек и добиться успеха, но когда война с Московией кончилась, постоянная армия из-за сокращения финансирования имела лишь порядка 7300 солдат. Подобное войско не смогло, в частности, противостоять Богдану Хмельницкому, и после трехкратного поражения от казаков польско-литовское государство фактически лишилось армии [Пенской (2010), с. 177–188].

В общем, можно констатировать, что информация о современных технологиях в военном деле своевременно поступала в Польшу и Литву.

Короли пытались осуществлять реформы, но, как отмечал Пенской, «для Речи Посполитой с ее постоянно слабеющей центральной властью такие темпы гонки вооружений оказались непосильной ношей» [Там же, с. 192]. Похожим образом обстояло дело и у нас, когда Московия с некоторым отставанием попыталась формировать полки иноземного строя.

Серьезное осознание необходимости формирования профессиональных воинских частей стало приходиться в Москву после поражения, понесенного в Ливонской войне. Эйфория времен победоносных битв с ослабевшими татарами стала уходить в прошлое. Однако отставание трудно было быстро преодолеть, тем более что военные проблемы усугублялись трудностями экономики, на которой сказались жестокости и фискальный гнет времен Ивана Грозного, неурожаи эпохи Бориса Годунова, а также разорения от междоусобиц Смутного времени.

Грозный ничего практически не сумел сделать для импорта западных военных технологий. Он лишь совсем не грозно просил Елизавету Тюдор позволить приезжать к нему мастеровым, умеющим строить корабли и управлять ими, а также продавать английскую артиллерию и все необходимое для ведения войны [Соловьев (1989, кн. III), с. 652]. Первую попытку создания в русской армии подразделений, обученных по европейскому образцу, предпринял лишь в 1609 г. полководец Михаил Скопин-Шуйский. Иноземный наставник обучал его войско, составленное в основном из крестьян. В том числе — тактике военного новатора принца Морица Оранского [Волков (2011), с. 467; Курбатов (2014), с. 86–91].

Скопин-Шуйский впервые привел на русскую службу большой отряд западных наемников. В 1608 г. он заключил договор о найме пятитысячного шведского отряда во главе с Якобом Понтусом Делагарди. Большую его часть представляли солдаты (шведы, французы, шотландцы, фламандцы, голландцы, немцы), освободившиеся на время перемирия, заключенного в войне Испании с Нидерландами. Корпус Делагарди принял участие в нескольких сражениях, в том числе в трагической для нашей страны битве при деревне Клушино. Поляки тогда быстро снесли с позиций русских дворян и детей боярских; ратники, не желавшие воевать, просто разбежались в большинстве своем, и лишь солдаты Делагарди смогли отбить мушкетным огнем врагов, понесших при этом большие потери. Тем не менее, оказавшись в безвыходном положении, наемники договорились о переходе на сторону поляков [Курбатов (2014), с. 81, 82, 109].

В отечественной «патриотической» литературе отмечается, что, мол, в сражении при Клушино «войско Шуйского потерпело поражение из-за измены наемников» [Чернов (1954), с. 115]. Но на самом деле даже польский ротмистр, участвовавший в той битве, отмечал, что трудно сражаться

было только с «немцами», которые перешли на сторону противника, лишь оставшись без командира, когда Делагарди отступил вместе с русскими [Мархоцкий (2000), с. 76].

Еще один курьез у того же патриотического автора — утверждение, будто «одним из преимуществ стрелецкого войска перед западноевропейскими мушкетерами являлось то, что стрельцы могли одновременно вести огневой бой и бой холодным оружием» [Чернов (1954), с. 86]. Как это понять? То ли мушкетеры шпагой толком не владели, то ли не умели стрелять из своих мушкетов?

На самом деле речь, очевидно, идет о сравнении стрельцов с испанскими терциями, которые состояли из каре пикинеров, дополненных аркебузирами, а позднее мушкетерами. Это построение было способно отбить атаку кавалерии в открытом поле и могло атаковать противника при помощи щетины пик. Именно такое «разделение труда» между мушкетерами и пикинерами обеспечивало возможность одним вести жесткий непрерывный огонь по противнику, постоянно перезаряжая оружие и не отвлекаясь на «шпаги», а другим держать в руках пики, которые из-за своей величины вряд ли совместимы с мушкетами [Нефедов (2010), с. 278]. Кстати, опытный боец Делагарди применил подобную тактику (усвоенную им из уроков Морица Оранского, полученных за время нидерландской кампании) в битве под Торжком и побил две роты литовцев [Петрова (2010), с. 235].

Так что опыт зарубежных наемников был для нас очень важен, и он постоянно использовался на протяжении XVII в. [Курбатов (2013), с. 231–249]. Однако уже Скопин-Шуйский с трудом изыскивал средства на содержание небольшого контингента Делагарди, причем из-за задержек оплаты часть отряда ушла из России [Петрова (2010), с. 232, 233, 247–250, 261]. Казна царя Василия Шуйского находилась в плохом состоянии, несмотря на неоднократные попытки сбора чрезвычайных налогов [Аракчеев (2012), с. 23].

Неудивительно, что сразу после окончания Смуты московские власти всерьез озаботились проблемой финансирования армии, которую трудно было строить на поместном принципе. Земские соборы 1612–1618 гг. созывались прежде всего с целью одобрения «всей землей» нового налога («пятой деньги»), «запросных денег» (собираемых по добровольной подписке), а также для привлечения иных источников финансирования. В 1622 г. появились «стрелецкие деньги». Вновь пришли на русскую службу западные наемники — так называемые «бельские немцы». Среди них был и шотландец Юрий Лермонт — предок великого поэта [Ключевский (1988, т. 3), с. 219–221; Курбатов (2014), с. 158, 192–193, 215].

Правда, первые профессиональные полки появились лишь в 1631 г. — полвека спустя после урока, полученного от Батория. Ради ведения очередной войны ввели новый налог — «немецкие кормы», предназначенный специально для содержания полков иноземного строя, состоящих из наемников. Как это выглядело, показывает Ключевский: «Под командой иноземных, преимущественно немецких полковников и капитанов, которых выписывали сотнями, из городских дворян и детей боярских, преимущественно малопоместных, пустопоместных и беспоместных, также из охотников и рекрутов других классов, даже крестьян и холопов, составлялись роты и полки конные, *рейтарские* пешие, *солдатские* и смешанные конно-пешего строя, *драгунские* [Ключевский (1988, т. 3), с. 203].

Под Смоленском в 1632 г. сражались четыре «немецких» и восемь русских полков, а также драгуны и рейтары, находившиеся на государственном обеспечении и оснащенные стандартным оружием. Но расходы на них были запредельны для слабого в финансовом отношении государства. Если до начала Смоленской войны армия стоила 275 тыс. рублей в год, то лишь за период с сентября 1632 по октябрь 1633 г. истрчено было 430 тыс. Всего же на армию и вспомогательные корпуса ушло 600 тыс. рублей [Коломиец (2001), с. 65; Пенской (2010), с. 344, 349].

«Кормовой немец» Александр Лесли лично ездил в Германию нанимать ландскнехтов, но не сильно преуспел, поскольку в этот момент Тридцатилетняя война была в самом разгаре, спрос европейских монархов на живую силу оказался велик, и лучшие из лучших уже находились при деле. В Россию отправились лучшие из худших «легионеров» (как в современном футболе), причем за очень большие деньги [Волков (2011), с. 359–360].

Неудивительно, что после окончания войны с поляками полки были в основном распущены, а служивших там иноземцев (средних и старших офицеров) выслали из России. «Видимо, сыграли свою роль финансовые причины, — отмечает Волков, — и правительство решило сэкономить казенные средства. Однако преимущества частей, строящихся по иностранному образцу, в сравнении со стрельцами были настолько очевидны, что в ближайшие годы правительство возобновило организацию полков “нового строя”» [Там же, с. 475].

В целом, по некоторым оценкам, расходы на армию в XVII в. возросли в три раза и около 1680 г. поглощали половину всего бюджета [Кулишер (2008), с. 543]. Поскольку финансовые проблемы не рассосались, государство не слишком успешно пыталось совместить профессиональную службу с самокупаемостью. Например, крестьян с южных рубежей страны записывали в драгуны без отрыва от производства. В своей деревне они худо-бедно выполняли «гражданский долг», но когда их посылали в отда-

ленные города или в походы, служба становилась непосильной. «Чтобы облегчить службу, драгунам приходилось сдавать часть ее (треть или половину) другим лицам за деньги или за соответствующую часть своего земельного участка. В результате подобной операции драгун являлся на службу через год или два» [Волков (2011), с. 477–479].

Введение крупных разовых поборов вроде «пятой деньги» могло использоваться как экстраординарная мера, но в среднесрочной перспективе лишь усугубляло финансовые проблемы. Например, «пятинка» 1633–1634 г. дала на треть больше дохода казне, чем аналогичный сбор 1616–1617 г. Однако народ тут же стал жаловаться на оскудение, которое почувствовало и государство. В ряде городов сократились таможенные и кабацкие доходы, поскольку вследствие оскудения «торгов не было, а на кабаке пит было некому» [Коломиец (2001), с. 66–67].

Чтобы поддержать армию и сделать ее эффективной, государство в XVII в. прибегало к отчаянным средствам. В частности, в 1656 г. попыталось решать бюджетные проблемы посредством выпуска медных денег, приравненных по нарицательной стоимости к серебряным. Серьезного опыта «порчи денег» на Руси еще к тому времени не имелось. Государство порой уменьшало вес монеты [Соловьев (1990, кн. V), с. 135], но откровенной подделкой не занималось, и народ к обману был не готов. В результате «медный эксперимент» продержался несколько лет, причем за это время объявилось много фальшивомонетчиков, решивших извлечь личную прибыль из новых денег [Соловьев (1991, кн. VI), с. 186–189].

Курс медной монеты к серебряной, естественно, снижался и уже в 1660 г. за одну старую давали две новых. Но в чем причина напасти, мало кто понимал. Торговые и посадские люди на вопрос о причинах дороговизны винили спекулянтов, скупающих хлеб для перепродажи, и самогонщиков, скупающих его для винокурения. Фундаментальные же причины проблемы оставались неясны.

Впрочем, следующие два года радикально прочистили мозги населения, и в 1662 г. случился кровавый медный московский бунт. Торговые люди в это время уже единодушно указывали на чеканку новой неполноценной монеты как на ключевую причину дороговизны. Казне пришлось отменить хождение медных денег, а имеющиеся у населения рубли скупить за бесценок [Ключевский (1988, т. 3), с. 209–212; Коломиец (2001), с. 85–87]. Крах этой финансовой «авантюры» привел, в частности, к тому, что рухнул один из самых амбициозных проектов перестройки армии, разрабатывавшихся в 1650-х — начале 1660-х гг.: попытка нанимать за рубежом не только отдельных офицеров, но целые полки [Малов (2006), с. 120].

Практически все проблемы русской армии XVII в. можно обнаружить в печальной истории с попыткой формирования полков иноземного строя в Тобольске. Обучение рейтаров началось там в 1660 г. Выписали из европейской части России офицеров-инструкторов, не сильно желавших тащиться в глухомань, но «забыли» положить солдатам жалование. Рейтары, оставшись без денег, стали разбредаться по деревням, а в Москву пошли донесения, что «без государева жалования и рейтарам и солдатам без кормовых денег прокормиться не мочно».

Государь внял призывам и положил новоиспеченным наемникам по 15 рублей в год медными деньгами. Это, увы, не спасло положения. Выяснилось, что на прокорм, платье и боевого коня такого жалования недостаточно.

Добавили тогда еще по пятерке на брата и стали не слишком удачно воевать с взбунтовавшимися башкирами. Но в 1663 г. оказалось, что вновь многие «з государевой службы из слобод от большие скудости разбежались для того в Тобольске и Тобольского разряду в слободах хлебных всяких запасов на медные деньги крестьяне не продавали». Убыль рейтаров стали восполнять «гулящими людьми и крестьянскими детьми». Но поскольку им тоже надо было иметь «хлебных запасов», крестьян стали заставлять продавать зерно себе в убыток. Рейтары, как оказалось, «чинят крестьянам в хлебной продаже налоги и насильства» прямо по примеру французских бригад времен Столетней войны.

Тем временем боеспособность армии совсем упала. Некоторые солдаты растащили по домам выданное им вооружение, сами же воевали с обычными ружьями, а порой и с саадаками. Наблюдатели констатировали, что от «иноземного строя» ничего не осталось. «А строя те полки по казацки».

В 1667 г. их расформировали. Частично отправили людей по домам, частично переименовали в драгунов, что было выгодно для государства, поскольку драгунам платили лишь по пять рублей в год плюс два с четвертью пуда соли на брата. Естественно, бедолагам приходилось пахать землю, чтобы прокормиться. Вскоре половина драгун от такой жизни разбежалась.

В 1674 г. бывшие рейтары обратились с челобитьем к царю Алексею Михайловичу, сообщая, что они разорились, «скитаются меж дворов и помирают с голоду, а ни в какую службу не приверстаны». Денег, однако, на то, чтобы их приверстать уже не было, и к 1689 г. оставшихся на службе драгун переименовали в беломестных казаков [Пузанов (2006), с. 112–120].

Нельзя сказать, что неэффективность российской финансовой системы была чем-то уникальным. И «порча денег» государством, приводящая к инфляции, и создание системы откупов, при которых значительная доля средств уходила в карман самим откупщикам, представляли собой весьма

характерные для Европы явления. Но у России была особенность, которая воспрепятствовала созданию хорошей, многочисленной наемной армии по образцу стран Запада. Слабость города, слабость торговли и ремесла, слабость денежного хозяйства вынуждали изыскивать средства в деревне, т.е. ориентироваться в значительной мере на обложение налогом сельского населения. Но при отсутствии эффективного бюрократического аппарата, низком уровне монетизации жизни в глубинке, высокой коррупции администраторов и гигантских пространствах российской державы организовать нормальный сбор налогов было практически невозможно.

Никто толком не знал, сколько конкретный крестьянин обрабатывает земли и сколько, соответственно, с него можно брать. Тем более не знали дохода, получаемого с этой земли [Кулишер (2008), с. 546]. Тот же, кто имел хоть какую-то информацию, использовал ее порой для личного обогащения.

Государство проводило переписи на селе, но писцы часто ошибались в оценках, а то и сознательно искажали информацию. Кроме того, сложности при обложении возникали из-за различного качества земли и неравного положения разных плательщиков. Наконец, в крестьянской общине сильные люди — «горланы» — стремились так разложить подати, чтобы их бремя больше ложилось на слабых. А в целом плательщики жаловались на разорение от податей, пожаров, воров, недорода и прочих причин, значимость которых проверить в условиях экономики XVII в. было трудно [Лаппо-Данилевский (2011), с. 29, 206–213, 222–226].

Характерно, что принцип обложения крестьян эволюционировал в конце XVII — начале XVIII столетия, казалось бы, в неправильном направлении. Сначала от поземельного обложения перешли к подворному, а затем — к подушному. Иными словами, государство стремилось брать со всех поровну, вместо того чтобы с богатых взывать больше. Но если принять во внимание реалии эпохи, подобная эволюция становится понятной. Отсутствие информации о платежеспособности крестьян заставляло максимально упрощать фискальную систему, рискуя недобрать налогов с одних и переобложить других. Аграрная Россия с недоразвитыми городами, плохо вовлеченными в систему международного разделения труда, была обречена на неэффективность фискального механизма.

Еще одним способом упрощения налоговой системы было повышение пошлины на соль, осуществленное в 1646 г. для того, чтобы убрать две тяжелые подати — стрелецкие деньги и ямские деньги, от уплаты которых часть людей уклонялась. В целом косвенные налоги, взимаемые с товаров, собираются, как правило, лучше, чем прямые, поскольку покупатель не скрывает от государства свои деньги, а сам идет с ними к продавцу. По

некоторым оценкам, только таможенные и кабацкие сборы давали казне денег больше, чем все прямые налоги, вместе взятые [Кулишер (2008), с. 556]. Тем не менее в случае с солью, как и в других случаях, «реформаторов» подвело отсутствие информации о реальной платежеспособности народа. Цены из-за высокой пошлины стали для многих непосильными, что привело, с одной стороны, к падению продаж и снижению поступлений, а с другой — к бунтам 1648 г., в ходе которых толпа растерзала «реформатора» Назария Чистого, крича при этом: «вот тебе изменник за соль» [Коломиец (2001), с. 71–72].

Именно к финансовым проблемам, а не к отрицанию наемничества как института, сводились причины слабого, непоследовательного развития русской армии вплоть до эпохи Петра I. Трудно согласиться с подходом авторов из Института военной истории МО РФ, полагающих, будто в XVII в. у нас отрицательно относились к западноевропейскому наемничеству. Военные историки ссылаются на Устав «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 г., где говорилось, что «нигде такого бесчинства не сыщешь, как в германских, сиречь цесарских регементх; наемники способны лишь на свары и брани, кражу и грабеж» [Отечественная (2003), с. 254]. Думается, здесь выражено отношение не к способу организации армии, а к иностранцам и иноверцам, которых Русь считала еретиками, а значит, людьми, способными на безбожные непотребства, тем более что бесчинства и впрямь имели место, если солдатам не платили.

Что же касается наемничества как института (вне связи с национальностью и верой солдат), то те же авторы двумя страницами выше отмечают: «В военное время все ратники полков “нового строя” получали жалование, одежду и вооружение. Они оставались на содержании государства и после окончания военных действий, если не распускались по домам» [Там же, с. 252]. Что же это, как не наемничество по сути дела? Именно наемным характером солдаты данных полков отличались от помещиков, живущих в мирное время с земли, и стрельцов, вынужденных обзаводиться своим хозяйством.

Крепостное право как ловушка модернизации

Формируя поместное войско и финансируя его за счет наделения дворянства землей, московские государи фактически предопределили развитие сельского хозяйства по крепостническому сценарию. Среди историков существует дискуссия о том, вводилось ли крепостничество сверху при помощи указа или же постепенно развилось само. Но в конечном сче-

те важно то, что государство юридически утвердило подобную систему хозяйствования и защищало ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами.

Государство не могло тогда свободно выбирать экономический курс, ориентируясь на эффективность системы. Более того, крепостничество вообще не являлось в реалиях XVI–XVII вв. чисто экономическим вопросом. От того, как станет функционировать помещное хозяйство, зависел более важный для государства вопрос: его способность противостоять сильным европейским соперникам.

Если бы помещик не смог себя прокормить и вооружить за счет использования земли, то он не смог бы стать надежной опорой царя. Поэтому власть, не имевшая денег для оплаты наемной армии, должна была хотя бы обеспечить помещика рабочей силой. А с этим делом в московском государстве постепенно возникали все более значительные трудности.

Данный вопрос в свое время тщательно проанализировал Василий Ключевский. Он отмечал, что для крестьян стали постепенно открываться возможности внутренней колонизации, переселения на новые, неосвоенные земли. С одной стороны, крестьяне могли активнее двигаться в мало-заселенные районы севера и северо-востока. С другой — постепенное ослабление татарского давления открыло возможности переселения на юг и юго-запад. «С половины XVI в. вопрос о беглых становится большим местом русского землевладения. Кн. Курбский в одном из посланий, описывая положение тяглых людей в Московском государстве, скорбит о том, что многие из них стали “без вести бегунами из отечества”. И царь Иван в предложениях, которые он готовил Стоглавому собору, писал о заставах крепких по рубежам литовским, немецким и татарским между прочим для наблюдения за беглыми людьми» [Ключевский (1902), с. 309].

Конечно, сами по себе ни крепостное право, ни «заставы крепкие» не могли решить проблему бегства крестьян. Временами беглых ловили, наказывали, возвращали старым хозяевам. Однако значительная масса людей все же переселялась на юг, выходя, таким образом, из-под власти помещика. С середины XVI в. (когда сильно возросло налоговое бремя) путешественники даже вдоль бойких торговых дорог встречали обширные, но безлюдные села, жители которых куда-то ушли. И эти заметки путешественников дополнялись соответствующими документами. «Остатки поземельных описей поражают обилием пашни переложной и лесом поросшей, количеством пустошей, “что были деревни”, в ближайших к столице уездах [Там же, с. 310–311].

Крепостное право, не способное радикально пресечь бегство крестьян, тем не менее могло эффективно решать другую проблему: оптимально,

с точки зрения государства, нуждающегося в поместной армии, распределить оставшуюся на господских землях рабочую силу.

Дело в том, что при общей нехватке людей богатые собственники могли позволить себе заманивать крестьян на свою землю относительно лучшими условиями труда и распределения продукта. Мелкий помещик, перебивающийся с хлеба на квас и обязанный еще при этом приобретать качественное вооружение, жал из крестьян все соки так, что те иногда целыми деревнями стремились от него уйти [Нефедов (2010), с. 276]. Помещик часто жил непосредственно в своих владениях, лучше знал возможности мужиков и, соответственно, не давал им спуску [История крестьянства в Европе (1986), с. 430]. В такой ситуации крупный вотчинник, который мог не думать о том, что завтра поставит на стол своей семье, переманивал крестьян у соседа и укреплял тем самым собственное хозяйство. В числе вотчинников находились и богатые монастыри. По оценке Ключевского, во второй половине XVI в. крестьяне, менявшие владельца, в основном не сами переходили, а перевозились соседями [Ключевский (1990, т. 8), с. 165].

«Выгоды войсковой массы, мелких помещиков, — отмечал Соловьев, — сталкивались с выгодами богатых землевладельцев, которые большими льготами переманивали к себе крестьян с земель мелких землевладельцев, помещиков; последние, лишаемые возможности обрабатывать свои земли, не могли нести обязанностей службы, которая стала теперь так продолжительна. <...> Попробовали сначала уменьшить переход крестьян уравнением всех земель относительно льгот (тарханов), которыми пользовались церковные земли; но эта мера продержалась недолго, и последовало запрещение крестьянам переходить от одного землевладельца к другому» [Соловьев (1991, кн. VII), с. 41].

Почти теми же словами охарактеризовал политику закрепощения историк Сергей Платонов: «Потерявший крестьян и запустошивший поместье сын боярский не отбывал своей службы и переставал хозяйничать; поэтому правительство готово было помочь ему удержать на пашне крестьян и закрепить за ним его поместную и вотчинную землю» [Платонов (1921), с. 76]. А в школьном учебнике Платонов даже специально выделил курсивом следующую мысль: *«За то, что землевладелец служил со своей земли государству, крестьяне обязаны были работать на него, пахать его пашню и платить ему оброк»* [Платонов (1917), с. 150].

Примерно о том же говорит и современный британский автор Г. Кёнигсбергер: «Именно эти два фактора — существенная нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве и военные операции тяготеющей к централизации власти — в значительной мере определили грядущее развитие русской

истории. Между ними существовала тесная взаимосвязь. Чтобы обеспечить лояльность дворянства для проведения военной политики, монархия должна была гарантировать его экономические интересы, поддерживая, распространяя и систематизируя закрепощение крестьян» [Кёнигсбергер (2006), с. 201].

Права на землю, которыми наделяли своих воинов государи, обесценивались, если отсутствовали работники, способные прокормить помещиков. Единственным средством, способным удержать крестьян у того хозяина, который был нужен царю, оказывалось крепостное право. Вряд ли его можно трактовать в качестве инструмента, используемого в интересах класса феодалов, как это принято в ряде старых марксистских исследований. Скорее, государство, закрепощая крестьян, боролось с крупными собственниками в интересах мелких и средних — тех, которые составляли ядро поместной армии. Во главе угла здесь стоял не вопрос борьбы классов и даже не вопрос экономической эффективности земледелия, а вопрос «тыла и транспорта» — хозяйственной организации вооруженных сил.

Если формирование помещичьей армии в целом было похоже на то, что происходило в Османской империи, то закрепощение имело прямо под боком иной образец — польский [Нефедов (2010), с. 280]. Введение «рабства» не было чисто российским культурным феноменом. На территориях Центральной и Восточной Европы оно утвердилось даже раньше, чем у нас. А такие страны, как Польша и Литва, с которыми Московия имела наиболее тесные контакты, непосредственно демонстрировали преимущества крепостного состояния для формирования армии. И хотя преимущества эти оказались временными, а поместная армия показала свою неэффективность в сравнении с армией наемной, крепостничество как институт осталось надолго повсюду. В Австро-Венгрии и Пруссии (в том числе на польских землях, отошедших к ним после раздела Речи Посполитой) оно было ликвидировано, соответственно, в конце XVIII и в начале XIX вв. В России же это произошло несколько позднее — в 1861 г. [Травин, Маргания (2004), т. 1, с. 371–376; 585–587; Травин, Маргания (2011), с. 69–82; 139–152; 223–236].

Глядя в прошлое из XXI в., мы расцениваем крепостничество как фактор, серьезно затормозивший развитие нашей страны. Возникает даже соблазн назвать его печальной культурной особенностью России. Мол, несмотря на очевидные преимущества свобод, русский народ, склонный по природе своей к рабству, впал в крепостное состояние и даже не особо противился ему. Однако подобный подход к истории представляет собой явный анахронизм.

Построение поместной армии и крепостничество в представлениях XVI–XVII вв. можно рассматривать как вполне рациональный отклик на

вызов со стороны богатой Западной Европы, способной выстроить эффективную наемную армию. Ни с какой склонностью к рабству, оставшейся нам, как полагали в свое время Н. Карамзин и Н. Костомаров, в наследство от монголов, это никак не связано [подробнее см. Травин (2010), с. 40–42]. В условиях изобилия земельных ресурсов и дефицита денежных средств иным образом выстроить армию было бы чрезвычайно трудно.

Никто не знал тогда, что этот рациональный подход станет спустя пару столетий тормозом для нормальной модернизации России. Но если бы даже подобные гениальные прозрения могли посетить кого-то из московских государственных деятелей XVI–XVII вв., они, естественно, никак не могли бы повлиять на развитие страны, которая (как и любая другая) оптимизировала свои институты в расчете лишь на краткосрочную перспективу.

То, что произошло тогда с Россией, можно назвать ловушкой модернизации. Когда мышка устремляется в мышеловку, она поступает рационально, обнаруживая соблазнительную перспективу в виде кусочка сыра и не подозревая о скрытой за приманкой западне. Точно так же ведет себя страна, попадающая в ловушку модернизации. Она выбирает рациональный путь развития, исходя из краткосрочных перспектив, а когда много лет спустя обнаруживается, что выбранный в прошлом вариант тормозит модернизацию, разумный поворот сделать уже трудно из-за сложившейся за долгие годы системы интересов. Мощные силы, получающие выгоду от избранного в прошлом пути развития, по понятной причине препятствуют повороту. И эти действия опять-таки носят исключительно рациональный характер. Они определяются не национальной культурой, а доминированием определенных групп интересов.

Таким образом, зависимость от исторического пути является важнейшей причиной, определяющей специфический путь российской модернизации. И в этом состоянии у нас есть много товарищей по несчастью — тех европейских стран, которые по каким-то иным причинам оказались в печальной зависимости от своего исторического пути (и от встретившихся на нем ловушек модернизации), несмотря на очевидную принадлежность к успешной и динамичной европейской, христианской культуре [Травин (2013б)].

«Почему же Венеция или Россия не стали Англией? — задается вопросом Ч. Тилли и тут же дает на него ответ: — Они не могли освободиться от власти прошлого, от прошлой истории. <...> Россия создала государство, которое, предполагалось, возглавлял самодержец, полностью зависящий от поддержки землевладельцев, собственные интересы которых состояли в том, чтобы удерживать крестьянский труд и продукты этого труда от служения целям государства» [Тилли (2009), с. 233].

Подчеркнем, что Ч. Тилли ставит во главу угла не национальную культуру, а влияние групп интересов, и это совершенно верно. Сменить культуру крайне тяжело. Она укореняется в наших иррациональных представлениях о жизни, передается из поколения в поколение, как система верований, традиций, привычек. Но сменить систему институтов, основанную на доминировании определенных групп интересов, гораздо проще. Когда выгоды модернизации в силу ряда причин начинают перевешивать выгоды, извлекаемые отдельными группами из сохранения status quo, система интересов трансформируется. Начинают доминировать иные группы — реформаторские. И в этот момент зависимость от исторического пути перестает тормозить развитие.

Литература

Алексеев Ю. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009.

Альтамира-и-Кревеа Р. История средневековой Испании. СПб.: Евразия, 2003.

Аракчеев В. Земская инициатива и фискальное принуждение в России в 1606–1616 годах. // *Российская история.* 2012. № 5.

Банников А., Морозов М. Византийская армия (IV–XII вв.). СПб.: Евразия, 2015.

Бартлетт Р. Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350 гг. М.: РОССПЭН, 2007.

Басовская Н. Столетняя война: леопард против лилии. М.: Астрель, АСТ, 2003.

Борисов Н. Иван Калита. М.: Молодая гвардия, 2005.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 3. События. Политика. Люди. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Виолле-ле-Дюк Э. Крепости и осадные орудия. Средства ведения войны в Средние века. М.: Центрполиграф, 2007.

Волков В. Ратные подвиги Древней Руси. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011.

Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.

Гейссер Л. История реформации. Т. 1: Реформация в Германии. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Герберштейн С. Московия. М.: Астрель, 2007.

Грессинг З. Максимилиан I. М.: АСТ, 2005.

Гриффитс Р, Томас Р. Становление династии Тюдоров. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И. Д. Сытина; Baltus, 2005.

Гуковский М. Итальянское возрождение. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990.

Гутнова Е. Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII века). М.: МГУ, 1960.

Деломо Ж. Цивилизация Возрождения. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.

Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава: Научное издательство ПВН, 1995.

Дюрер А. Трактаты. Дневники. Письма. СПб.: Азбука, 2000.

Жиль К. Никколо Макиавелли. М.: Молодая гвардия, 2005.

Зимин А. Реформы Ивана Грозного. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.

Зимин А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М.: Мысль, 1982.

Зимин А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М.: Наука, 1986.

Кареев Н. Поместье-государство и словесная монархия Средних веков: Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в Средние века. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М.: АСТ Москва; Хранитель, 2007.

Келли Д. Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир. М.: Колibri, 2005.

Кёнигсбергер Г. Европа раннего Нового времени, 1500–1789. М.: Весь Мир, 2006.

лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.

Клулас И. Лоренцо Великолепный. М.: Молодая гвардия, 2007.

Ключевский В. Боярская Дума Древней Руси. М.: Синодальная типография, 1902.

Ключевский В. Сочинения. Т. 2: Курс русской истории. Ч. 2. М.: Мысль, 1988.

Ключевский В. Сочинения. Т. 3: Курс русской истории. Ч. 3. М.: Мысль, 1988.

Ключевский В. Сочинения. Т. 8: Происхождение крепостного права в России. М.: Мысль, 1990.

Кобрин В. Власть и собственность в средневековой России. М.: Мысль, 1985.

Коллинсон-Морлей Л. История династии Сфорца. СПб.: Евразия, 2005.

Коломиец А. Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра Освободителя. М.: Редакция журнала «Вопросы экономики», 2001.

де Коммин Ф. Мемуары. М.: Наука, 1986.

Контамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001.

Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002.

ван Кревельд М. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2008.

Кром М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеява. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

Кром М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010.

Кулишер И. История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум, 2008.

Курбатов О. Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVII вв.): сборник статей. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Курбатов О. Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: Квадрига, 2014.

Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.

Ле Руа Ладюри Э. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610. М.: Международные отношения, 2004.

Любавский М. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. СПб.: Наука, 2004.

Люттвак Э. Стратегия Византийской империи. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.

Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008.

Малов А. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680 годы // Отечественная история. 2006. № 1.

Мархоцкий Н. История Московской войны. М.: РОССПЭН, 2000.

Морган К., ред. История Великобритании. М.: Весь мир, 2008.

Нефедов С. История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Территория будущего, 2010.

Норвич Д. Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016–1130. М.: Центрполиграф, 2005.

Оке Ж.-К. Средневековая Венеция. М.: Вече, 2006.

Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012.

Оль Ф. Фридрих Барбаросса. СПб.: Евразия, 2010.

Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М.: АСТ Москва; Хранитель, 2008.

Отечественная военная история с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 1. М.: Звонница-МГ, 2003.

Пенской В. Военный потенциал российского государства в конце XV — XVI веках: количественное измерение // Отечественная история. 2008. № 1.

Пенской В. Великая огнестрельная революция. М.: ЭКСМО; Яуза, 2010.

Петрова Н. Скопин-Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2010.

Петросян Ю. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990.

Пиренн А. Средневековые города Бельгии. СПб.: Евразия, 2001.

Платонов С. Учебник русской истории для средней школы. Петроград: Склад издания у Я. Башмакова и К°, 1917.

Платонов С. Борис Годунов. Петроград: Огни, 1921.

Пузанов В. Русские полки «иноземного строя» в Сибири в XVII веке // Вопросы истории. 2006. № 7.

Рапп Ф. Священная Римская империя германской нации. СПб.: Евразия, 2009.

Рюкуа А. Средневековая Испания. М.: Вече, 2006.

Савицкая В. Краков. М.: Искусство, 1975.

Свак Д. Русская парадигма: Русофобские заметки русофила. СПб.: Алетейя, 2010.

Скрынников Р. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985.

Скрынников Р. Иван III. М.: АСТ, 2006.

Слово о полку Игореве // Повести Древней Руси XI–XII веков. Л.: Лениздат, 1983.

Смирнов Н. Боевые холопы в составе поместной конницы в первой полови-

не XVI — первой половине XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 369–382.

Соловьев С. Сочинения. Кн. II. Т. 3–4. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988.

Соловьев С. Сочинения. Кн. III. Т. 5–6. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989.

Соловьев С. Сочинения. Кн. IV. Т. 7–8. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989.

Соловьев С. Сочинения. Кн. V. Т. 9–10. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1990.

Соловьев С. Сочинения. Кн. VI. Т. 11–12. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1991.

Соловьев С. Сочинения. Кн. VII. Т. 13–14. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1991.

Стефанович П. «Большая дружина» в Древней Руси // Российская история. 2011. № 5.

Такман Б. Загадка XIV века. М.: АСТ, 2013.

Талисте Х. Таллин. Путеводитель. Таллин: Периодика, 1974.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.

Травин Д. У истоков модернизации: Россия на европейском фоне. Препринт М-19/10. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010.

Травин Д. У истоков модернизации: Россия на европейском фоне (доклад второй). Препринт М-31/13. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013 (а).

Травин Д. Россия на европейском фоне: причины отставания. 3. Как модернизация попадает в ловушку? // Звезда. 2013. № 5 (б).

Травин Д. У истоков модернизации: Россия на европейском фоне (доклад третий). Препринт М-38/14. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Травин Д. Теории особого пути России: классики и современники. Препринт М-43/15. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: В 2 кн. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004.

Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: АСТ; Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011.

Фавье Ж. Столетняя война. СПб.: Евразия, 2009.

Флекенштейн Й, Бульст-Тиле М.Л., Йордан К. Священная Римская империя: эпоха становления. СПб.: Евразия, 2008.

Фуллер Дж. Оружие в истории. От пращи до ядерной бомбы. М.: Центрполиграф, 2012.

Черепнин Л. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.

Чернов А. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (с образования централизованного государства до военных реформ при Петре I). Краткий очерк. М.: Военное изд-во министерства обороны СССР, 1954.

Шатицко А. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987.

Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М. История Литвы. Вильнюс: Eugrimas, 2013.

Эрс Ж. Людовик XI. Ремесло короля. М.: Молодая гвардия, 2007.

Boone K. War, Domination, and the Monarchy of France: Claude de Seyssel and the Language of Politics in the Renaissance. Leiden; Boston: Brill, 2007.

Calabria A. The Cost of Empire. The Finances of the Kingdom of Naples in the Time of Spanish Rule. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Cipolla C. Guns, Sails and Empires. Technological Innovation and the Early Phases of European Expansion. 1400–1700. NY: Panteonbooks, 1965.

Cuneo P., ed. Artful Armies, Beautiful Battles. Art and Warfare in Early Modern Europe. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001.

Davies R. The Golden Century of Spain. 1501–1621. London: Macmillan and K^o Ltd, 1937.

Duffy C. Siege Warfare. The Fortress in the Early Modern World. 1494–1660. London: Routledge & Kegan Paul, 1979.

Fowler K. Medieval Mercenaries. Vol. I. The Great Companies. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2001.

Hale J. War and Society in Renaissance Europe, 1450–1620. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.

Knecht R. Renaissance Warrior and Patron: The Reign of Francis I. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Knox M., Murray W., ed. The Dynamics of Military Revolution. 1300–2050. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Lucca. Town of Art. 2002.

Mallett M. Mercenaries and their Masters. Warfare in Renaissance Italy. London: The Military Book Society, 1974.

Notario Lopes Ig., Notario Lopes Iv. The Spanish Tercios. 1536–1704. https://vk.com/doc1267917_119001980?hash=006feb7846dc7510d4&dl=fc904210bbdcad1700 (дата доступа 02.10.2015).

Oman C. The Art of War in the Middle Ages. Oxford: Horace Hart, 1885.

Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Parks T. Medici Money. Banking, Metaphysics, and Art in Fifteenth-Century Florence. London: Profile Books Ltd, 2006.

Parrott D. The Business of War. Military Enterprise and Military Revolution in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Tracy J. Emperor Charles V, Impresario of War. Campaign strategy, international finance, and domestic politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Wood J. The King's Army. Warfare, soldiers, and society during the Wars of Religion in France, 1562–1576. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Дмитрий Травин

**У истоков модернизации: Россия на европейском фоне
(доклад четвертый)**

Препринт М-45/15

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 23.11.15
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**

Новая книга

Дмитрий Травин

КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: постмодернизация и проблемы России
Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге

ISBN 978-5-94380-200-3

Есть ли у России перспективы в XXI веке? На этот вопрос невозможно ответить, не поняв, каковы основные тенденции развития современного общества. Именно анализу данных проблем посвящена предлагаемая читателю книга. Автор, более двадцати лет занимающийся изучением модернизации и написавший о ней ряд научных работ, в этот раз пытается двинуться дальше — посмотреть, как развивается модернизированный мир, какие проблемы он испытывает, что стремится развивать, а что — оставить в прошлом. В книге осуществляется комплексный подход к анализу социально-экономических, политических и духовных проблем нашего времени. Она может представлять интерес для всех специалистов, изучающих общество, и для широкого круга интеллектуалов.

КНИГА НА САЙТЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

<http://www.eupress.ru/books/index/item/id/228>